

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АЛЕКСЕЙ ЛЮТЫЙ

РАБИН ГУТ

ЭЛЬДОРАДО — НЕ НАГРАДА



ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Рабин Гут

Алексей Лютый

Эльдорадо – не награда

«Научная книга»

Лютый А.

Эльдорадо – не награда / А. Лютый — «Научная книга»,
— (Рабин Гут)

Эльдорадо – край богатый... В этом пришлось убедиться крутой ментовской тройке – омовцу Жомову, криминалисту Попову и кинологу Рабиновичу. Теперь им предстоит навести порядок у древних ацтеков! Вопрос в том, будут ли этим довольны аборигены. Но друзьям не привыкать – у них за спиной и пески древней Палестины, и сумрачные своды Камелота, и склоны античного Олимпа.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей ЛЮТЫЙ

ЭЛЬДОРАДО – НЕ НАГРАДА

Часть 1

Нафига Попу кецаль?

Глава 1

Всегда приятно, когда тебя ждут.
Фредди Крюггер

Нет, такого количества праздников, сколько их есть в нашей стране, наверное, больше ни в одном уголке мира не отыщется. И это только официальных! А если к ним добавить еще и кучу народных, вроде Красной горки, масленицы и яблочного Спаса, то и вовсе со счета можно сбиться. Казалось бы, куда больше? Но наши общественные деятели, начиная с какого-нибудь председателя фонда престарелых фехтовальщиков, кончая мэрами, губернаторами и прочими очень важными людьми, так и норовят свои собственные праздники придумать.

В общем, любому иностранцу жизнь рядового россиянина покажется сплошным праздником! И по его мнению, эти самые «рядовые» россияне просто лучиться от счастья должны. Но уж это – кому как. Мы-то с вами знаем, что все эти праздники означают. Во-первых, чем больше праздников, тем меньше денег после них остается. Во-вторых, какому дураку после всевозможных торжеств на работу хочется идти? Ну и в-третьих, если каждую радостную дату отмечать, то на это никакого здоровья не хватит. Вот выходит, что делятся россияне на две категории людей: тех, кто плевать хотел на здоровье, и тех, кто предпочитает любой праздник заменить на поминки по загубленной жизни и вообще их не отмечать. Впрочем, поминкам рознь!..

Но есть еще и третья категория людей, отличная от первых двух. Эти несчастные создания напрочь лишены возможности выбирать, как именно они будут к многочисленным праздникам относиться, поскольку вынуждены работать в каждый мало-мальски значительный «красный день календаря». Хотя и среди них есть исключения. И эти «исключения» ходят на работу, как на праздник. Например, мой друг Ваня Жомов. Уж такой трудоголик, что если оказывается он на вынужденном выходном, то сам себе работу придумает. То кому-нибудь морду набьет, то у собственного тестя приобретенный незаконно, в смысле, без позволения тещи, алкоголь экспроприрует... Да-да! Были и такие случаи.

Здравствуйте, я ваша теща... Тьфу ты, тетя!.. То есть я, конечно, не ваша тетя. Это поговорка такая. Как это, кто я такой и кто такой Ваня Жомов?.. Я – чистокровный кобель немецкой овчарки по кличке Мурзик... Не понял, чего это вы улыбаетесь? За ляжку вас давно никто не кусал?.. Вот так-то лучше! Теперь могу продолжать. Значит, я – Мурзик, ну а Ваня Жомов – старший сержант ОМОНа. Разницу чувствуете?.. Вот и я нет. Потому как оба мы служим в милиции. Правда, должностные обязанности у нас разные, но часто приходится и вместе работать. Особенно по праздникам, о которых я только что говорил.

Что, так нас и не вспомнили? Странно, вроде бы ненадолго расставались. Ладно, так и быть, хоть мне ваша забывчивость и обидна, придется о себе рассказать. Начну с того, что живу я, естественно, не один. Может быть, и рад бы был быть сам себе хозяином, но у нас в стране почему-то псам квартир не дают, а служебный вольер, сами понимаете, далеко не

идеальное место для обустройства личной жизни. Вот и пришлось мне обзавестись хозяином. Впрочем, Сеня Рабинович, мой так называемый хозяин, мужик неплохой. Бабник, конечно, но службу несет исправно: вовремя выгуливает, кормить не забывает и всё такое. Недавно даже расщедрился и мне новый антиблошинный ошейник купил. Не знаю, правда, на хрена он ему понадобился, если у меня блох отродясь не было. Ну, не считая некоторых досадных недоразумений.

О том, почему Сеня Рабинович пошел служить в милицию, я всем уже рассказывал. Повторяться не буду. Правда, не служебно-розыскным псом, а всего-навсего кинологом, но, я думаю, профессия тоже почетная. Ничуть не менее почетная, чем омоновец, например. Хотя, было время, когда я мечтал, чтобы у меня хозяин был не тощий, как вешалка, а такой огромный, как Ваня Жомов. Но это было в молодости и давно прошло. Сеня Рабинович у меня ужасно умный. По крайней мере, закрывать лапами глаза от стыда, когда хозяин рот открывает, мне не приходится!

Впрочем, если немного меня послушаете, то во всём разберетесь сами. Ну а пока мне осталось рассказать только о четвертом члене нашей дружной компании – эксперте-криминалисте Андрюше Попове. По ширине Андрей Жомову ничуть не уступает, вот только недоделали его, что ли, родители? Росточком Попов не вышел, и при своей ширине кажется немного толстоватым. Даже и не немного, а более чем достаточно. Но поскольку Попов предпочитает называть себя в меру упитанным, советую и вам делать то же самое. Всё-таки, если обидится Попов, может обидеться и Ваня. Ну а уж если вместе с ними расстроимся и мы с Сеней, мало никому не покажется.

Ну да не будем о грустном. Ссориться с вами мы не собираемся. Напротив, собираемся подружиться, сойтись как можно ближе. Мои менты вообще любят с людьми дружить, особенно когда у тех выпивка есть! Нет, вы не подумайте, они не алкоголики. Просто в те редкие праздники, когда им службу нести не нужно, трое моих друзей принципиально не желают за свои кровные водку покупать. Может, отсюда все наши беды и идут. По крайней мере, начались после того приснопамятного Дня милиции, когда вся наша четверка встретила на улице с королем Артуром, сэром Ланселотом и Мерлином, чтоб ему от блох до конца жизни не спастись!..

Какой маскарад? Никто ни в какие костюмы не обряжался. Вся эта троица доисторических раритетов действительно благодаря Мерлину в наше время перенеслась. Впрочем, я уже и об этом рассказывал. Если кому-то эта история интересна, можете найти книжку и прочитать.

Не буду подробно говорить и о том, что с нами позже приключилось. Достаточно вам знать, что мы с ментами немало повидали и узнали много интересного. Про параллельные миры и всякое такое, например. Со всякими разными существами познакомились. Не скажу, что все они были весьма дружелюбны и приятны, но по крайней мере одного из наших новых знакомых я часто вспоминаю... Ахтармерза Гварнарытуса. Кого же еще? Чтобы язык не ломать, мы его просто Горынычем звали. Потому, что на Горыныча он и был похож. Правда, Ахтармерз очень не любил, когда его с земными рептилиями сравнивали, поскольку физиологически по-другому был устроен, но на это особого внимания можно не обращать. Между собой его называйте как хотите – трехглавый змей, дракон или ящерица – только ему этого не говорите! А то Ахтармерз от обиды так раздуется, что потом ни в одну книжку не влезет.

Вот, в принципе, я про всех своих друзей и рассказал. Но вам, наверное, непонятно, какая взаимосвязь между друзьями и праздниками? Да самая прямая. Во-первых, без друзей и праздник – не праздник. А во-вторых, я с этими самыми друзьями по праздникам вместе работаю. Как сегодня, например, в День города. У вас он когда проходит?.. Вот и у нас – осенью. А точнее – в сентябре. До Дня милиции, с которого всё началось, как вы понимаете, еще далеко, но это не значит, что в любой другой праздник какой-нибудь неприятности случиться не может.

Впрочем, в последнее время наша служба проходит почти без происшествий. То есть происшествия, конечно, есть всегда, поскольку разбираться с неприятностями – наша работа, но именно по этой причине всякие облавы, аресты и спасение заложников за происшествия мы не считаем. Вон для Жомова происшествие – это когда за целый день ни разу на вызов съездить не удастся, а всё остальное – мелочи жизни. Он даже тещу за происшествие не считает, поскольку давно с ней смирился и, по-моему, даже грустит, когда она его не пилит. С момента последнего нашего путешествия – в Палестину, если вы помните, – прошло уже довольно много времени. Первый месяц мы просто отдыхали, наслаждаясь обычной поимкой преступников и радуясь тому, что больше не нужно выкидывать таких сумасшедших номеров, которые частенько спасали нас в иных мирах. А затем, честно сказать, заскучали. Всё-таки милицейские будни часто напрочь лишены той романтики, о которой пишут в книгах и показывают во всяких там сериалах. Обычная рутинная работа, и ничего больше, а иногда хочется и развлечься. Особенно грустил Андрюша Попов, ему так и не удалось посмотреть планету-аквариум, посещение которой обещал устроить Оберон.

Может быть, именно из-за этого прискорбного факта наш эксперт-криминалист ударился в чтение книг, в основном всякой фантастики, где говорится о водных мирах, но и другой литературой тоже не брезговал. Мы даже одно время опасались, не начал ли снова Андрюша готовить то самое зелье Мерлина, которое нас в разные миры должно было переносить, но, слава богу, всё обошлось. Андрюша просто читал и химичить не пытался, а со временем и вовсе о планете-аквариуме забыл. Зато стал проверять, насколько различные мифы и легенды соответствовали тому, что мы в своих путешествиях повидали. В общем, увлекся древней историей и мифологией. Ну а это, как вы понимаете, занятие вполне безобидное. По крайней мере, я так до последнего времени считал. Впрочем, давайте не забегать вперед!

День города, событие, конечно, масштабное. Причем, как это обычно принято у нас, в России, его, как и любой другой праздник, многие начинают отмечать загодя. И количество милицейских нарядов на улицах тоже загодя увеличивается. Мой Сеня, которому полагалось несколько отгулов за сверхурочную работу, тоже не стал отставать от традиций и загодя подстроил всё так, чтобы именно на День города, точнее, за день до Дня и через день после Дня (во сказанул!), эти самые отгулы ему и предоставили.

Конечно, убедить Кобелева, нашего непосредственного начальника, предоставить кому-либо отгулы было делом чрезвычайной трудности, поскольку полковник принципиально отгулов не признавал и был уверен, что милиционер должен нести службу даже тогда, когда спит. Вот только с моим Сеней такие номера не проходили. Каждый в отделе знал, что если Рабиновичу положены отгулы, он их получит именно тогда, когда это ему самому нужно. И таким исключительным способностям Рабиновича по выбиванию из начальства выходных многие завидовали, а кое-кто, например старший дежурный по отделу Матрешкин, даже недолюбливали Сеню. Справедливости ради замечу, что Матрешкин всех недолюбливал, да и его любили не больше.

В общем, за три дня до начала усиленного дежурства по городу мой Сеня заявился к Кобелеву и потребовал предоставления отгулов. Полковник, естественно, послал Рабиновича подальше, бдительно службу нести, но от Сени отвязаться было не так просто. Он выложил на стол перед полковником целую кипу бумаг, которые якобы требовалось подписать в ветлечебнице, чтобы я мог продолжать свою службу, а начальника отдела не разжаловали бы в рядовые, если кто-нибудь из задержанных заболит, например, бешенством, после обработки моими зубами.

Я бы, если честно, непременно бы высказал Сене свое мнение по поводу мнимого бешенства, но в тот момент был заперт в вольере и мог только лаяться в прямом смысле этого слова с Рексом и Альбатросом, издревле считавшими себя венцом творения. Впрочем, даже если бы я и был в кабинете вместе с хозяином, не сомневаюсь, что Сеня и мое возмущение истолковал бы

в свою пользу. Дескать, видите, кобель нервничает, уже сейчас себя крайне агрессивно ведет, а дадите мне отгул, так я вроде бы официально отдохну, а на самом деле, не тратя служебного времени, пройду все обследования с Мурзиком. Кобелев на уговоры кинолога купился и, даже не глядя в бумаги, девять десятых из которых были откровенной липой, приказ о предоставлении Рабиновичу отгулов подписал.

Счастливым Сеня тут же умчался домой и весь следующий день посвятил подготовке к предстоящему празднику. Честно говоря, мой хозяин совсем не любит праздновать всевозможные события в одиночку. Редко он что-либо отмечает без Попова с Жомовым, а уж если знает, что оба верных товарища будут на службе, то не празднует ничего вообще. За редким исключением, конечно. Например, когда встречает новую Большую Любовь, как это и было в нашем случае.

За несколько суток до Дня города мой Сеня познакомился с очередной пассией и собиравшись устроить ей грандиозный пир. Не думаю, конечно, что Рабинович готов был предложить девушке руку и сердце, но что-то глобальное он задумывал точно, и, судя по всему, праздник должен был обойтись без меня. По крайней мере, пару раз он с Жомовым говорил о том, что хороший пес в День города омовцу бы не помешал. Ваня пока не сдавался, но я был уверен, что долго перед уговорами Сени он не устоит. Особенно когда Рабинович прибегнет к крайней мере и пообещает поставить литр водки – на троих, естественно, – за верную дружбу и беззаветную преданность. Моего мнения, ясное дело, никто не спрашивал, да и мне самому, если честно, не особо хотелось шляться с Сеней и его девицей по всяким там человеческим кафе – не думаю, что Рабинович на ресторан для своей пассии расщедрился бы, если, конечно, действительно не собиравшись на ней жениться.

Однако чаяниям моего хозяина не суждено было сбыться. Наши люди не дурнее паровоза. Сразу несколько человек из отдела, без коих просто не могла жить патрульно-постовая служба, внезапно слегли с различными вирусно-инфекционными заболеваниями, начиная от коклюша и вплоть до сибирской язвы и сыпного тифа. Кобелев рвал и метал, грозя наслать на головы инфицированных все смертные кары, предоставленные в его распоряжение Министерством внутренних дел, но поскольку не мог исцелять недужных людей наложением рук, вынужден был вызвать на службу тех, кто был здоров и собиравшись провести праздники, извините, в праздности, чревоугодии и лени. Мы с Рабиновичем тут же попали под эту категорию и утром в День города были в спешном порядке доставлены в участок на патрульной машине. Думаю, объяснять, каковым было моральное состояние моего хозяина после столь вопиющего нарушения прав человека, никому не нужно. Сеня рвал и метал, суя под нос Кобелева кучу всяких справок, по большей части составленных самим Рабиновичем, возложившим на свои хрупкие плечи тяжкую ношу ветеринарства. Начальник отдела тоже рвал и метал эти самые справки. Причем в буквальном смысле слова. А под конец своей пламенной речи, достойной пера драной курицы, заявил, что если пес кого-нибудь заразит во время праздников, то Рабинович будет отвечать за это лично, так как должен был свести пса, меня, значит, к ветеринару еще в начале года.

Лично для меня так и осталось неизвестным, откуда Кобелев взял именно эту дату и чем она была лучше сентября, но факт остается фактом. Сколько Рабинович ни спорил, но под угрозой материального и уголовного наказания за вышеуказанную халатность ему пришлось сдаться и согласиться на три отгула сразу после окончания торжеств. Может быть, в другое время эта маленькая победа и успокоила бы нервы моего хозяина, но не в этот раз. Шикарный вечер с новой знакомой катился коту под хвост, и Сеня, посчитав такое развитие событий личным оскорблением, целый день пребывал в весьма мрачном настроении духа. И уж наивные восторги Жомова по поводу выступления клоунов из местного цирка на городской площади разделять точно не собиравшись.

– Сеня, ты только посмотри, что этот чудик вытворяет, – дернул Рабиновича за рукав Жомов, тыча пальцем в сторону клоуна, зачем-то пытающегося снять штаны через голову.

– Ваня, вот сколько лет тебя знаю, до сих пор не пойму, ты с детства такой ущербный или тебе мозги в процессе воспитания повышибали? – наивно полюбопытствовал мой хозяин и, оставив омоновца раздумывать над столь трудным вопросом, сделал вид, что отправился патрулировать территорию центральной площади.

На самом деле моему хозяину просто было невыносимо больно видеть, что в такой трагичный для него день кто-то может радоваться жизни. Он бы для поднятия настроения задержал десятка два человек и отправил бы их в отделение, чтобы жизнь медом не казалась, но, как назло, был приказ – тех, кто в состоянии стоять на своих ногах, не трогать, а дебоширить на площади никто не собирался. По крайней мере не на глазах у милиционера с псом на поводке. Я, если честно, тоже был не прочь кого-нибудь покусать. Хотя бы из-за того, что терпеть не могу целый день ходить в наморднике. Поэтому, когда по рации передали просьбу проверить каких-то подозрительных людей в трех кварталах от площади и Сеня тут же согласился этим заняться, спорить с хозяином я не стал.

Люди действительно оказались в высшей степени подозрительными. Да и как могут не быть подозрительными двое мужчин и женщина, в сумерках растерянно мечущиеся по кварталу из конца в конец и задающие вопросы пьяным прохожим на совершенно нерусском языке? Английском, я бы даже сказал. Мой Сеня самым торжественным шагом прошагал в их направлении, неся в руке поводок, как генерал саблю на параде, и, козырнув, представился. А я, увидев, как наполнились радостью лица подозрительных личностей при виде обычного милиционера, вынужден был лечь на тротуар и зажать морду лапами, чтобы не взвыть от смеха.

Сеня никогда особо углубленным знанием иностранных языков не обладал, но понять десяток слов по-английски был в состоянии. После недолгих переговоров ему удалось-таки выяснить, что трое иностранцев приехали к нам на какую-то историческую выставку, приуроченную к празднованию Дня города. Вместе с экскурсионной группой они отправились осматривать местные достопримечательности да умудрились потеряться. Теперь им страшно хотелось попасть к тому самому музею, где проходила выставка и откуда их должны были доставить к месту проживания, в гостиницу «Славянка», которую потерявшиеся туристы упорно называли «Цлафанка».

Пока Сеня выяснял все обстоятельства происшествия с одним из мужчин на смешанном русско-английском диалекте, единственная женщина в числе подозрительных личностей решила снять нас вместе с Рабиновичем при помощи фотоаппарата с чудовищно мощной фотовспышкой. Меня-то реакция не подводит, а вот Сеня глаза прикрыть не успел. И пока он промаргивался, я ясно видел написанные у него на лице сомнения – а не экспроприировать ли вышеуказанную фотокамеру за несанкционированные съемки сотрудника милиции, находящегося при исполнении служебных обязанностей?

К счастью для туристов, Сеня был не настолько зол, чтобы заняться экспроприациями, и камера вместе с пленкой остались у владелицы. Мы торжественно проводили туристов до краеведческого музея, где кроме автобуса и толпившихся вокруг него остальных членов туристической группы больше никого не было. Надо ли говорить, что радости нашедших друг друга иностранцев не было предела? Они так вопили и столько раз хлопали друг друга по спине, что мне показалось, будто эту троицу мы вернули ну если не с того света, то из ГУЛАГа точно. А их экскурсовод, выглядевшая смертельно-зеленой перед тем, как мы привели к ней «заблудшие души», бросилась целовать Рабиновича.

Честно говоря, в людских самках, то бишь женщинах, я не сильно разбираюсь. По размерам, запаху и манере движения одну от другой отличить, конечно, могу, но почему одну считают красивой, а другую дурнушкой – для меня темный лес! По-моему, главной должна быть физиология, а всё остальное неважно. Однако люди почему-то так не считают, и судя по

тому, как в счастливой гримасе расплылась морда моего хозяина, девушку-экскурсовода он лично считал красивой.

– Ой, прямо не знаю, как вас благодарить! – лопотала девица, не отрывая от Сени влюбленных глаз. – Я уже и не знала, что мне делать. Не приведи вы их, меня бы точно с работы уволили. Да и сейчас, если начальство узнает о случившемся, неприятностей не оберешься.

– А вы не волнуйтесь, девушка, – солидно ответил мой Сеня. – Давайте завтра встретимся, и вы мне расскажете, не было ли неприятностей на работе. А я, если что, сразу пойду к вашему начальству и заявлю, что вы после пропажи туристов сделали всё правильно. Мгновенно оповестили власти, и нам тут же удалось их найти.

– Ой, не знаю, удобно ли будет вас от работы отвлекать, – потупилась девица.

– Да что вы! Помогать людям и есть моя работа, – надувшись от чувства собственного достоинства, заявил мой хозяин.

Да ты арапа тут хотя бы при мне не заливай! Тоже нашелся рыцарь без страха и упрека. Знаю я, в чем ты ей помочь хочешь! А то она без тебя до нижнего белья раздеться не сможет.

– Фу, Мурзик, – рывкнул на меня хозяин (вот и попробуй поговори с ним!), а затем вновь посмотрел на девицу. – Ну так что? В котором часу вам будет удобно со мной встретиться?

– Давайте в обед, если вам удобно, – окончательно смутилась барышня и, договорившись с Рабиновичем о месте завтрашней встречи, помчалась к туристам.

Те, видимо, совсем от счастья офонарели и все до единого во что бы то ни стало хотели сфотографироваться вместе со мной и Рабиновичем. При этом каждая сволочь начала тянуть свои жирные лапы к моей голове. Я и так страшно не люблю, когда об меня руки вытирают, делая вид, что я эти поглаживания должен с выражением огромного счастья и безмерной признательности принимать, а когда такое несколько человек одновременно пытаются сделать, так и вовсе в неистовство впадаю. Вот и сейчас, был бы без намордника, точно кому-нибудь палец бы откусил. И это – минимум! А так пришлось просто зарычать на туристов. Но и этого было вполне достаточно. Тот наивный пузан в очках, который ко мне руку тянул, когда я рыкнул, так в сторону отскочил, будто я в него из гаубицы картечью пальнул. Да и с остальных панибратские замашки словно ветром сдуло.

– Вы объясните им, что у меня пес страшно не любит, когда его посторонние люди, особенно иностранные граждане, по голове гладят, – тут же обратился к экскурсоводу Сеня.

– Ой, какой он умный, – восхитилась девушка. – А мне он разрешит себя погладить?

Ща-аз! А кошачий хвост тебе не воротник? Может быть, тебе еще разрешить меня за брюхо почесать и уши подергать?!

– Фу, Мурзик, – снова рывкнул на меня Рабинович.

– Мурзик? – удивилась девица. – Какое необычное для собачки имя...

Ну, если Сенины симпатии эта швабра двуногая еще как-то завоевала, то на мои, особенно после «собачки», точно могла не рассчитывать. Я, конечно, понимал, что со мной Рабинович сделает, но твердо пообещал себе, что ежели эта девица каким-то образом окажется у нас в гостях, пару десятков способов испортить ей вечер я придумаю и непременно воплещу их в жизнь. Сеня, видимо, прочитав мои мысли на моей же морде, погрозил пальцем и мило-стиво разрешил девице меня погладить. Так и подмывало позлее рывкнуть на нее, чтобы она метра на два назад отлетела, но делать я этого не стал – решил усыпить бдительность девицы для будущей мести. И даже хвостом, изображая удовольствие, пару раз махнул. От этого моего демарша Сеня оторопел и покачал растерянно головой. Дескать, последний раз своего пса, виляющего хвостом, видел тогда, когда тот в Древней Греции с дриадой играл, но вслух об этом говорить, естественно, не стал, чтобы девушка его за сумасшедшего не приняла. Вместо этого Сеня расплылся в улыбке.

– Видите, вы ему понравились, – тоном человека, делающего незаслуженный комплимент, произнес он. – Если честно, давно не видел, чтобы Мурзик на ласки так реагировал.

– А вы мне расскажете, почему его Мурзиком зовут? – поинтересовалась девица.

– Завтра во время нашей встречи и расскажу, – уклонился от ответа Сеня.

Экскурсовод спорить не стала, тем более потому, что к ней кто-то из туристов подошел и затараторил что-то по-английски. Оказалось, что иностранцы всё еще хотят всей группой сфотографироваться вместе с нами, и Рабиновичу, чтобы отвязаться от них, пришлось согласиться. Лишь после этого туристы загрузились в автобус и убрались восвояси. Мой Сеня, провожая синий «Ман» глазами, доложил по рации о случившемся. А затем, видимо, немного утешивший разбитое дежурством сердце после знакомства с экскурсоводом, но не горя желанием возвращаться на площадь, решил дать себе минуту отдыха и, сев на скамейку в скверике, закурил.

Минуты три мы сидели молча, в полной тишине и спокойствии, лишь изредка нарушаемом отдаленными выкриками, доносившимися сюда с центральной площади, а затем вдруг со стороны музея послышался какой-то подозрительный звук. Сеня мой, у которого, как и у всех человек, со слухом серьезные проблемы, на это никак не отреагировал, а вот я уши наострил. Поначалу тоже толком разобрать ничего не мог, а затем понял, что внутри закрытого уже музея кто-то что-то передвигает. Вот тогда и решил, что пришло время бить тревогу. Тихо зарывчав, я вскочил и застыл, повернувшись в сторону музея.

Объяснять Сене ничего не пришлось. Всё-таки мы с ним друг друга как облупленные знаем. И уж по крайней мере понять, когда я пытаюсь ему сообщить о происшествии, Рабинович может. Мгновенно затушив сигарету, Сеня вскочил на ноги и, скомандовав мне «ищи!», махнул рукой в сторону музея, достав затем из кобуры пистолет. Я, конечно, и без его указаний знал, что мне нужно делать, но высказывать это хозяину не стал. Нужно иногда потакать его альфа-лидерским замашкам, иначе он совсем себя человеком чувствовать перестанет. Нежный он у меня и ранимый! Вот и пошел я послушно туда, куда он руками махал.

На некоторое время шумы в музее затихли, а затем послышался такой звук, будто кто-то сгребает в кучу разные железки.

В тишине это было слышно так отчетливо, что даже мой Сеня звон металла разобрал и даже голос услышал, сипло произнесший: «Да тихо ты, идиот, мать твою!»

– Жди, – скомандовал мне Рабинович, усаживая меня прямо напротив входной двери, а сам занимая позицию возле стены музея.

Пару минут ничего не происходило. А затем массивная входная дверь медленно отворилась, и из-за нее показалась самая что ни на есть бандитская физиономия. На мне, конечно, милицейской формы не было, но и одного вида крупной немецкой овчарки, сидящей прямо у входа, вполне хватило для того, чтобы грабителя охватила оторопь.

– Собачка? – поинтересовался он, словно не веря своим глазам. – Ты что тут делаешь? Где твой хозяин?

Мог бы и не спрашивать! Едва грабитель успел задать свой последний вопрос, как перед его носом появилась рука с пистолетом. Оторопев еще больше, деятель явно собрался напрудить в штаны от неожиданности, но сделать этого не успел. Свободной рукой Сеня дернул его на себя, освобождая мне проход внутрь музея. Конечно, я бы с большим удовольствием откусил большую часть филе именно у этого наглеца, посмевшегося назвать честного милицейского пса собачкой, но поскольку у нас с Сеней существовало разделение труда, пришлось мне довольствоваться его сообщником.

– Гена, что проис... – только и успел произнести тот, прежде чем я всей массой ударил мужика в грудь, сваливая его на мраморный пол музея.

Увидев мою оскаленную физиономию у своей глотки, бандит решил, что время вопросов закончилось, и, зажмурив глаза, принялся ждать своей смерти, словно я людоед какой-нибудь. Именно по этому поводу я и высказал грабителю всё, что думаю о его умственных способно-

стях. И почему-то мой короткий монолог поверг уголовничка в такой шок, что тот поспешил закрыть глаза и потерять сознание.

– Сторожи! – в тот же момент услышал я голос Сени и, подтащив грабителя за шкуру к двери, увидел, как мой хозяин стоит над вторым арестованным и вызывает по рации наряд.

Сверкая мигалками, патрульный «уазик» примчался через пару минут. Двое милиционеров остались охранять разграбленный музей, а мы с Рабиновичем после всех необходимых процедур, погрузив задержанных с поличным преступников в машину, отправились вместе с ними в наше отделение. Там сдали этих субъектов дежурному, а все вещдоки отнесли Попову на экспертизу, завалив его работой минимум часа на три. Кобелев же, лично присутствовавший в отделе в этот праздничный день, вынес нам с Рабиновичем благодарность за проявленную бдительность и благосклонно отпустил домой, подтвердив, что с завтрашнего дня мы находимся в отгуле.

Возражений с нашей стороны, естественно, не последовало, и мы с Сеней понеслись домой как на крыльях. Точнее, несся-то мой Рабинович, а я лишь старался от него не отстать. У меня дома срочных дел не было, а вот Сеня, несмотря на довольно поздний час, видимо, рассчитывал наверстать упущенное с той девушкой, которой планировал устроить праздник сегодняшним вечером.

Естественно, Рабиновича ждало разочарование. Девушки не оказалось дома. Видимо, решив, что ни один милиционер не заслуживает того, чтобы в праздник с душевным трепетом его бесконечно долго ждали, она отправилась отдыхать в другой компании. При этом через маму передала обращение к Рабиновичу, составленное в такой форме, что престарелая родительница не решилась его повторить вслух. Она только сказала Сене, чтобы тот больше не звонил, и повесила трубку.

В любое другое время мой Рабинович от такого поворота событий – впрочем, вполне ожидаемого! – впал бы в уныние и хандрил бы самое малое пару дней, но сегодня он лишь пожал плечами, услышав в трубке короткие гудки. И произошло это, скорее всего, оттого, что перспективы сегодняшнего нового знакомства мой Сеня видел не менее радужными. Как он сам сказал бы в таком случае, не было бы счастья, да несчастье помогло! И, приняв душ, мой Рабинович завалился спать.

А утром, ни свет ни заря, нас разбудил звонок в дверь.

Сеня, вполне справедливо полагая, что это нагрянули опять архаровцы Кобелева, вызывая нас на незапланированный служебный день, собрался спустить на оных всех кобелей, то бишь меня, но вовремя решил сначала спросить, кого там нелегкая принесла. Оказалось, что это Жомов с Поповым, чему мой хозяин, да и я тоже, немало удивились.

– Если вы здесь для того, чтобы тащить меня на работу, то обломайтесь, – вместо приветствия разъяснил им политику партии мой Сеня. – У меня сегодня отгул. Завтра и послезавтра тоже. Так что можете катиться отсюда к любой, на ваш выбор, матери.

– Да кому твоя работа нужна, – фыркнул Ваня Жомов и, бесцеремонно отодвинув в сторону моего хозяина, красовавшегося на весь подъезд в синих семейных трусах, прошел в гостиную. Она же спальня, она же рабочий кабинет, она же всё остальное, что только взбретет в голову, поскольку квартира у нас с Сеней однокомнатная.

– Так, от своего имени мы тебя поздравили, – проговорил Ваня, выставляя на стол бутылку водки. – Остальным будешь выставляться сам.

– Если вы думаете, что каждый раз после задержания каких-нибудь уродов я вас буду водкой поить, то сильно ошибаетесь, – сухо ответил Рабинович. – Морды у вас от таких царских милостей треснут.

– Ну, за уродов можешь и не выставляться, а за вчерашних точно придется, – осклабился Ваня. – Ты же у нас теперь почти герой.

– Не понял, – потребовал объяснений мой хозяин, да и мне стало любопытно, что это еще за повод для пьянки Жомов с Поповым надумали.

– Вот, смотри, – проговорил Андрюша, выкладывая на стол какие-то фотографии. Мне снизу их видно не было, но догадаться, что на совсем свежих фото были отображены наши вчерашние трофеи, изъятые у музейных воров, было нетрудно.

– И что это такое? – сухо полюбопытствовал Сеня, так и не понимая, к чему клонят друзья.

– Ты что, ничего не понимаешь? – так искренне удивился Попов, что я даже подумал о том, что ошибся в своих предположениях. Судя по его тону, на фотографиях должны быть отображены отнюдь не вчерашние находки, а как минимум все самые красивые девушки города, которых Сеня просто обязан был знать в лицо.

– Это же самая редкая в нашей стране коллекция фигурок майя, датируемая 650-800 годами нашей эры, – развеял мои сомнения умница Андрей.

– А ты откуда про это знаешь? – подозрительно покосился на него Жомов. – Хочешь сказать, на таких штучках даты изготовления и срок годности проставлены?

– Дурак ты, Ваня, – сделал вывод Попов и едва успел увернуться от подзатыльника. – Книжки читать иногда нужно, а не ограничиваться одним букварем. Это фигурки расцвета классического периода майя, закончившегося примерно за сто пятьдесят лет до того момента, как их культуру почти полностью поглотили тольтеки.

– И сколько же они могут стоить? – чисто рефлекторно поинтересовался Рабинович, но затем поправился: – Может быть, объясните мне, что происходит?

Ваня, слегка обиженный на «дурака», демонстративно промолчал, но этого никто, кроме меня, не заметил, поскольку Андрюша Попов начал заливаться соловьем. К великой радости нашего эксперта-криминалиста, грабителя, которых вчера мы с Сеней поймали, вытащили из музея именно фигурки майя, изучением которых Андрюша и увлекался в последнее время.

В музей злоумышленники попали еще днем, когда выставка, приуроченная к празднованию Дня города, просто ломилась от посетителей, в том числе и иностранных, прибывших к нам специально для того, чтобы посмотреть на эту коллекцию. Меры предосторожности, конечно, формально были весьма повышенными, но на самом деле организаторы выставки почти не опасались ограбления, прекрасно понимая, что такую редкую коллекцию фигурок майя продать будет почти невозможно. Поэтому и не так серьезно охраняли, как следовало бы. Грабители, заранее знавшие о готовящейся выставке, спланировали свой налет загодя. Конечно, об истинной ценности фигурок они ничего не знали, но надеялись, что смогут ее выгодно для себя продать. И когда прилив посетителей музея достиг пика, они просто спрятались в одном из подсобных помещений, в приготовленное заранее, во время предыдущих визитов, место. Подождав, пока музей закроется и представление на центральной площади будет в самом разгаре, грабители изнутри отключили сигнализацию и собрали с выставочных стендов всё, что попало им под руку. На пульте в отделении отключение сигнализации, конечно, заметили, но пока смогли бы направить к музею какой-нибудь не занятый наряд для проверки, грабители успели бы скрыться. Если бы, конечно, не мы с Рабиновичем.

– И что, ты хочешь сказать, меня теперь к награде представят? – заинтересованно спросил Сеня. Вот гад, «меня»! А я что, и участия в этом деле не принимал? – Молчи, Мурзик. Не видишь, мы о деле разговариваем!

– Во-во, псина, они о деле разговаривают, а мы с тобой – побоку, – поддержал меня всё еще обиженный Жомов, но и на эти его слова Сеня с Поповым внимания не обратили.

– Не только к награде, – зная слабую жилку моего хозяина, расплылся в улыбке эксперт-криминалист. – Организатор выставки был настолько поражен оперативной работой милиции и обрадован тем, что все фигурки возвращены к нему в целостности и сохранности, что

приказал материально поощрить милиционера, задержавшего грабителей. Тебя, стало быть! Кобелев сначала повыпендрожничал, дескать, милиционеры не за материальные поощрения работают...

– Вот гад! – перебил его возмущенный Сеня.

– ...а затем вынужден был согласиться. Уж так настойчив организатор выставки был, – не обратив на эту реплику внимания, закончил Попов. – Так что наградные часы от нашего руководства тебе обеспечены, плюс денежная премия от спонсора. Так как насчет того, чтобы это событие отметить? Тем более что у нас с Жомовым сегодня тоже выходной.

– Ну, разве перед вами устоишь? Будет вам праздник, – усмехнулся Сеня и тут же поправился: – Только на многое не рассчитывайте. Премия мне еще неизвестно когда дадут, а пока у меня денег в обрез.

Вот так и начался для нас праздник, посвященный Дню города. Вчерашнее не слишком радостное настроение моего Сени развеялось без следа, и сегодня он выглядел словно именинник. Конечно, вынужденные расходы на предстоящую попойку то и дело бросали тень на умное чело Рабиновича, пока он приводил себя в божеский вид, то есть облачался в форму, но я ничуть не сомневался, что мой хозяин и из этой ситуации выйдет достойно.

По крайней мере, никто не мешает ему прибегнуть к обычному в таком случае трюку – выпивку-то он по минимуму поставит, но, когда она закончится, скажет, что на большее нет денег, и Жомов, которому вечно недогон, будет сам изыскивать резервы для продолжения попойки. Ну а на закуску Сене и тратиться не придется. Всё-таки тетя Соня из Одессы нам еще не забывает присылать кое-какие продукты питания, которые в трезвом состоянии мой Рабинович есть не рискует – уж слишком древними они выглядят!

Пока Сеня вытаскивал из закровов закуски, а Ваня Жомов аккуратно транспортировал их на стол, стойчески удерживаясь от того, чтобы не отпить пару глотков из оставленной без присмотра бутылки, Андрюша сбегал в ближайший магазин за водкой, сигаретами, хлебом и парой банок настоящей, не соевой тушенки. С сомнением посмотрев на меня, Рабинович всё же пришел к выводу, что я награду не меньше его заслужил и – где это видано! – вывалил мне в миску целую банку упомянутой выше тушенки.

От такой невиданной щедрости даже лизнуть хозяина в его еврейский нос захотелось, но я вовремя вспомнил, что, во-первых, уже давно вышел из возраста, в котором псам дозволяются такие щенячьи нежности, а во-вторых, не далее как вчера я эту тушенку действительно заработал. Поэтому лишь вильнул для приличия хвостом, выражая свою благодарность, и сунул нос в пластиковую миску, заполненную любимым лакомством.

Наконец-то приготовления к началу праздника были закончены – только не говорите мне, что пить водку с утра дурная привычка. Поработаете в милиции, сами перестанете понимать, когда утро на дворе, а когда вечер, лишь бы минута свободная выпала. Трое доблестных милиционеров уселись-таки за стол. После поздравлений с вполне заслуженной наградой – на мою долю тоже пару ласковых слов перепало – выпили по первой, и Ваня было собрался рассказать о том, каких приколов он вчера на площади насмотрелся, но не тут-то было. Попова, безмерно вдохновленного тем, что довелось подержать в руках предметы огромной исторической ценности, отвлечь от рассказов о майя было не так-то просто.

– Вот, посмотрите сюда, – вопил он, протягивая Жомову с Сеней какую-то фотографию. – Представьте, этой нефритовой фигурке кецаля просто цены нет. Подобных ей во всем мире раз-два и обчелся...

– Что-то не похоже это на еврея. Скорее ворона какая-то общипанная, – задумчиво вертя в руках фотографию, пробормотал Жомов. – Или я ее вверх ногами смотрю?

– А при чем тут еврей? – почти в один голос изумились Сеня с Поповым. Редкое единодушие, стоит заметить!

– Как при чем? А разве Кецаль не еврейская фамилия? – искренне удивился Ваня. – Я помню, у нас в классе один парень с похожей фамилией учился. Или он молдаванин был?..

– Якут! – подсказал Жомову мой хозяин.

– А ты откуда знаешь? – совсем оторопел омоновец, но тут, наконец, сообразил, что над ним просто издеваются.

– Что-то я не пойму, вам поприкалываться, что ли, захотелось? – обиженно поинтересовался он. – Поп, а в едовище получить не желаешь? Разве трудно объяснить, что на этой фотографии изображено?

– Кецаль – это такая птица из мифологии майя, ацтеков и тольтеков, – начал было объяснять Попов, но Ваня не дал ему договорить.

– Так бы сразу и сказал! А то я думаю, откуда у индейцев евреи могли быть? – рассудительно предположил он. – Хотя, Сеня, от вашего брата всего ожидать можно, – мой хозяин, хлопнув себя по лбу, застонал, но Жомов внимания на это не обратил. – Слушай, Поп, а на хрена тебе этот кецаль? – Не зная, что ответить на этот вопрос, Андрюша просто открыл рот, да и остался так сидеть. А вот мой Сеня просто зашелся в истеричном хохоте, едва не подавившись куском тушенки. Жомов бросился ему на помощь и, хлопая по спине, как это у него обычно получается, едва не сломал Рабиновичу хребет. Хозяин мой кашлять и смеяться мгновенно перестал, и неизвестно, не кончилось ли бы спасение поперхнувшегося отправлением его в реанимацию, если бы я вовремя не оттянул от Сени Жомова, схватив зубами за штанину. Пока Ваня от меня отбивался, интересуясь, не очумел ли я, Рабинович смог окончательно прийти в себя и спросил Жомова:

– Вань, скажи честно, часто у тебя после ночного дежурства клинические обострения острой умственной недостаточности бывают?

– То есть ты всегда debil или только когда не выспишься? – перевел Сенину фразу Попов и тут же получил по загривку. – Ты чего, Жом, офонарел? Сеня на тебя наезжает, а тумачи, как обычно, мне достаются?!

Я отчетливо видел, как Ваня, скрипя шестеренками, пытается решить, дать ли еще раз Попову по загривку или попробовать придумать какой-нибудь достойный ответ. Еще неизвестно, до чего бы додумался наш бравый омоновец, но в этот момент произошло событие из ряда вон выходящее. Точнее, некогда бывшее для нас обычным, но за истечением срока давности немного позабытое. В общем... Да что я тут говорю!

ХЛО-ОП!!!

И после этого звука в комнате возник не кто иной, как наш давний знакомец – эльф Лориэль. Для тех, кто начитался Толкина и насмотрелся по «видаку» «Властелинов Колец», сразу скажу, что далеко не все эльфы рослые красавцы, под стать Леголасу и прочим его сородичам из этой бессмертной трилогии. Мы эльфов самого разного калибра в свое время видели, и тот, про которого я только что упомянул, относился к толкиновским эльфам точно так же, как сувенирная модель автомобиля к оригиналу в пропорции 1:48. И этот маленький наглец сейчас висел прямо над центром стола, бешено размахивая своими чешуйчатыми крылышками, видимо, отобранными у какой-нибудь стрекозы.

– Хлеб-соль, люди добрые, – проговорил Лориэль, шокировав нас этими словами еще больше, чем своим появлением. Впрочем, эльф тут же положение исправил: – Чего уставились, козлы, мать вашу? Думаете, я сам вас жутко рад видеть? Или мне неприятностей с вами всегда мало было? Опять водку жрете? Вот, мать вашу, работнички! Скажите, менты в вашей вселенной чем-нибудь кроме распития спиртных напитков занимаются?

– Ага. Занимаются. Они еще эльфов бьют, – обрадовал Лориэля Жомов и попытался на деле доказать правоту своих слов, ловя эльфа огромной пятерней.

Естественно, ничего из этого не вышло. Омоновец хоть и был необычайно быстр для своей комплекции, но по скорости реакции маленькому эльфу явно уступал. Промаяхнувшись, Ваня грохнулся грудью прямо на стол, сметая с него всё. В том числе и бутылки.

Попов, увидев такое безобразие, взревел от досады и запустил вилкой с тушенкой в главного виновника этого погрома. Не в Жомова, конечно же, а в Лориэля. Ну а поскольку особой меткостью он никогда не отличался, то промазал. Зато точно попал в Сенину парадную фуражку, спокойно стоявшую до сего момента на буфете.

Сеня страшно обиделся на друга за порчу казенного имущества и хотел было вlepить ему в лоб за такое свинство, но в дело вмешался я. Осознав, что пора это безобразие прекращать, я истошно заорал благим матом. Мой лай действие свое возымел, и все трое друзей мгновенно остановились, выискивая глазами эльфа. А тот преспокойно сидел на люстре.

– Ну что, может быть, теперь-то вы спросите, с чем я к вам пожаловал? – ехидно поинтересовался эльф, и моим ментам пришлось согласиться с разумностью этого вопроса.

Глава 2

*Сбылась мечта идиотки
Анна Каренина (последняя мысль)*

– Ну и что же тебе от нас надо? – поинтересовался Рабинович, глядя прямо на Лориэля и замечая краем глаза, как Андрюша начинает наводить порядок на столе.

Закуски почти не пострадали, за исключением тети-Сониных огурцов, рассыпавшихся с тарелки по всей комнате, а вот половина бутылки водки была безвозвратно утеряна. Если, конечно, никто не собирался слизывать ее с пола. А судя по глазам Жомова, он и не на такое сейчас был способен. Ваня вообще не любил, когда кто-нибудь посягает на его собственность, а уж когда дело доходило до алкогольных напитков, коим он уже присмотрел место в своем ненасытном желудке, тут омоновец и вовсе зверел. И уж самым легким выходом из данной ситуации для нашкодившего эльфа было бы лопнуть самостоятельно, не дожидаясь, пока Жомов до него доберется. Тем более что и люстра в противном случае могла пострадать, чего Рабинович допускать не собирался.

– Так я тебя еще раз спрашиваю, что тебе от нас нужно? – поторопил он эльфа, явно не спешившего удовлетворять любопытство друзей и наслаждавшегося устроенным в комнате погромом. – Только не говори, что опять мир спасать придется.

– Ой, тоже мне, спасатели! Вы вон и собственную выпивку спасти не в состоянии, не говоря уже о целом мире, – скривился эльф, но, услышав рык Жомова, решил, что с шутками пора заканчивать. – Ладно, ладно, молчу. Я здесь по поручению Оберона.

– Мы уже поняли, что ты не по своей инициативе проведать нас прилетел, – отрезал Рабинович. – Говори, что этому старому маразматику от нас опять нужно?

– Тс-с-с! Ты потише. Такими словами не бросайся, – явно испугался Лориэль. – Оберон везде имеет свои уши...

– Нам-то что с этого? – встрял в разговор Попов. – Плевать мы на твоего Оберона хотели. Он только и может что языком трепать, – а это Андрюша явно намекнул элфу на так и не осуществленную экскурсию в мир-аквариум.

– Нельзя так о своем начальнике говорить, – назидательно осадил его эльф.

– Это какой он нам начальник? – в свою очередь возмутился Жомов.

– Ну, пока, конечно, никакой, но может им стать, – Лориэль изобразил на лице бледное подобие улыбки, скорее похожее на оскал бешеного кота. – Если вы его предложение примете.

– Опять ты за старое? – изумился Сеня. – Мы же уже сказали, что место работы менять не собираемся.

Трое ментов переглянулись. Еще уговаривая друзей на последнюю операцию в Палестине, правитель эльфов Оберон предложил им перейти к нему на службу в качестве специальных агентов по ликвидации трансвременных искривлений реальности. Сулил, естественно, золотые горы, но уговорить честных работников милиции перейти в свое ведомство так и не смог. Они были непреклонны, и лишь один Андрюша чуть-чуть колебался, боясь упустить возможность хоть раз в жизни увидеть целый мир, похожий на его любимый аквариум. Впрочем, и он на искушение не поддавался. И вот теперь Оберон снова заслал к ним Лориэля с тем же самым предложением.

– Да не ставь ты телегу впереди лошадей, – оборвал Сенины возражения эльф. – Никто вас и не просит немедленно соглашаться с предложением моего начальства. Оберон поручил мне организовать для вас эдакий туристический рейс, во время которого вы посмотрите всё, что захотите, и получите удовольствий столько, сколько душа пожелает. Просто вам нужно еще

раз встретиться с Обероном и поговорить с ним. Много времени это не займет, да и Оберон, в случае неудачи ваших переговоров, моральные издержки обещает компенсировать.

– О какой сумме идет речь? – тут же встрепенулся Рабинович.

– Сеня, ты о чем, блин? – оторопел Жомов. – Мы же вроде всё решили...

– Да подожди ты, Ваня. У меня уже премия есть. Разве вам с Андрюшей лишняя наличность помешает? Ленке своей, например, шубу купишь, которую она у тебя давно просила. А отказаться от предложения Оберона мы всегда еще раз сможем, – резонно проговорил Рабинович и принялся обсуждать с эльфом условия и объемы возможной компенсации.

Жомов с Андрюшей тут же поняли, что вопрос о поездке решен. Сеня, конечно хоть и был милиционером, далеким от всяких коммерческих махинаций, но порода всё же давала себя знать. И если разговор заходил о получении прибыли, остановить Рабиновича было совершенно невозможно. Впрочем, предстоящий визит к Оберону никого особо не расстроил.

Действительно, почему бы не провести выходные где-нибудь в другой вселенной, тем более если можно будет просто отдыхать, а не гоняться по куче миров, пытаясь найти причину, из-за которых вселенная рушится в пропасть?! Особенно если учесть, что здесь, в этом мире, пара дней их небольшого отпуска уложится в пару минут. И пока Рабинович спорил с неуступчивым Лориэлем, Жомов и Попов придумывали, чем они во время отдыха займутся. Ваня решал, что будет лучше: погонять где-нибудь шайку гоблинов или устроить в Эльфабаде, прямо перед банькой десяток-другой спаррингов с новыми телохранителями эльфийского начальства. Ну а Андрюша мучился дилеммой – отправиться-таки в мир-аквариум, дабы удовлетворить свое давнее любопытство, или заглянуть в какую-нибудь параллельную вселенную, развитие которой остановилось где-нибудь на эпохе бронзового века. Мнение Мурзика, естественно, никто не спросил.

Задумавшись над возможными способами развлечений, оба мечтателя-милиционера пропустили мимо ушей, до какой именно суммы компенсации дошли Сеня с Лориэлем. Собственно говоря, о деньгах и Жомов, и Попов напрочь забыли, а Рабинович не стал им о них напоминать, совершенно справедливо полагая, что сможет в итоге преподнести друзьям сюрприз.

– Ну что, если вы готовы, то можем отправляться, – закончив разговор с Рабиновичем, предложил эльф, и тут, неожиданно для всех, Мурзик взвыл и попятился к дверям.

– Что это у тебя с псом? – удивился Жомов. – Ты его давно к ветеринару водил?

– При чем тут ветеринар? – обиделся за верного друга Сеня. – Просто Мурзик умный. Чувствует, что его снова хотят бог весть куда из дома тащить, а он у меня путешествовать не любит.

– Так мы отправляемся, или будем тут до конца света ждать, пока вы своего пса уговорите успокоиться? – язвительно поинтересовался эльф, по-прежнему не торопясь покинуть гостеприимную люстру Рабиновича.

– Одну минуточку, – наконец решил сказать свое веское слово Попов. – Сеня, ты ни о чем не забыл?

Рабинович, до сего момента сосредоточенно успокаивающий Мурзика, удивленно посмотрел на друга, пытаясь сообразить, к чему Андрюша клонит. Забывать вроде бы было нечего. Все трое доблестных милиционеров были одеты как полагается, по всей форме, включая резиновые дубинки, некогда получившие славное звание «демократизаторов». У Жомова, как обычно, из кобуры торчала рукоять табельного оружия, что существенно отличало его от других: Попов, как эксперт-криминалист, пистолет никогда не носил, а Сеня, не слишком жаловавший оружие, за исключением экстренных случаев, предпочитал использовать кобуру для других целей. Например, запихивал туда «сникерсы», щедро скармливаемые Мурзику ларечником Арменом, поскольку умный пес есть их наотрез отказывался.

И ничего удивительного в этом нет! В смысле, не в том, что породистый кобель шоколад сомнительного качества есть отказывался, а в том, что Сеня эти «сникерсы» подбирал. В конце концов, в хозяйстве всё сгодится, и эти шоколадки можно было на свиданиях любимым девушкам дарить.

Сеня повторно обвел взглядом своих сослуживцев, затем окинул орлиным взором комнату, пытаясь понять, что еще им может в путешествии пригодиться, но ничего, чем он мог бы пожертвовать ради такого случая, не нашел. Завершая осмотр, Рабинович скользнул взглядом по люстре и остановился на ехидно ухмыляющемся Лориэле. И тут Рабиновича осенило!

– Конечно же! Спасибо тебе, Андрюша, что напомнил. И как я сам мог об этом забыть? – проговорил он, обратившись к Попову, а затем снова посмотрел на эльфа. – Так, господин хороший, а какие вы дадите гарантии того, что нас и в этот раз не попытаются обвести вокруг пальца, как это было, например, в Египте? – Попов застонал.

– Сеня, я тебе не об этом говорю! – почти взмолился он.

– Помолчи, Поп! Не видишь, я деловые вопросы обсуждаю, – вмиг забыл о своей недавней благодарности Рабинович, отмахнувшись от друга. – Так что, Лориэль, какие гарантии ты можешь нам дать?

– А честного эльфийского слова вам, козлам, уже недостаточно? – язвительно поинтересовался маленький нахал.

– Ты еще честное пионерское нам дай, – посоветовал ему Сеня.

– Пожалуйста. Даю вам честное пионерское слово, – тут же отреагировал эльф.

– Сень, а может, ему всё-таки крылья повыщипывать? Надоело мне уже это маленькое недоразумение от случайной связи мухи с куклой Барби, блин, а я у тебя классные щипцы для колки сахара видел... – предположил Жомов, но Рабинович и его заткнул.

– Ваня, тебя уж точно никто не просит в переговоры соваться! – заорал он, а затем вновь обернулся к недосягаемому пока эльфу. – Ты мне голову переставай морочить. Или ты даешь нам сейчас гарантии, или все предыдущие переговоры отменяются.

– Нет, ну вы, козлы, меня уже достали, мать вашу!.. Стоит только с ментярой каким-нибудь связаться, так он докопается до всего, что найдет. А если чего-нибудь не найдет, то достанет вопросами, почему этого нет!.. Какие вам еще гарантии нужны, кроме слова Оберона? – возмущенно завопил эльф, окончательно потерявший терпение от бесконечных требований Рабиновича. – Он когда-нибудь свои обещания нарушал, а, мать вашу?!

– Собственно говоря, нет, – задумчиво ответил Рабинович. – Зато ты этим часто страдаешь.

– Я-а-а?! – взревел Лориэль таким громким голосом, какого никак не ожидали от этого столь тщедушного создания. – Всё. Я сматываю удочки. Пусть меня Оберон увольняет, пусть в тюрьму сажает, пусть хоть на рудники к гномьей матери отправляет, но никаких дел с российскими ментами я больше иметь не желаю!..

Оторвавшись, наконец, от люстры, эльф взлетел под самый потолок и, бешено замахав крылышками, принялся рассыпать вокруг себя сверкающие всеми цветами радуги искры. Все три российских милиционера, с которыми только что отказался иметь дела Лориэль, смотрели на него с различным по содержательности, но абсолютно милицейским выражением на лицах. Эльф на мгновение застыл.

– Я не понял, мать вашу, меня что, никто останавливать не собирается? – удивленно поинтересовался он. – Ну там, типа, «пожалуйста» сказать или на колени упасть, чтобы поумолять немножко?

Трое милиционеров отрицательно покачали головами, и Мурзик, видя это, от радости даже пару раз вильнул хвостом. Эльф окончательно сдался. Сник, а радужные искрыкак-то мгновенно поблекли и поредели.

– Ну и не надо, – смирился Лориэль, опускаясь обратно на люстру. – Хотя могли бы попробовать. Вам разве не хочется снова по иным мирам попутешествовать?

– Хочется, – ответил за всех Сеня. – Только мы больше не желаем, чтобы нас вслепую использовали.

– Да я же который уже раз говорю вам, что никто вас использовать не собирается, – простонал Лориэль. – Я просто доставлю вас к Оберону, а там сами решайте, прислушаться к его словам или домой отправиться. Выбор целиком в ваших руках, клянусь целостностью вселенной!

– Ну что, поверим ему? – Сеня посмотрел на друзей.

– Так мы уже вроде давно поверили, блин, – пожал плечами добрейшей души человек Ваня Жомов.

Сеня расстроено сплюнул, видя такое непонимание своего гениального плана со стороны друзей. Он уже хотел пройтись поговоркой по умственным способностям Жомова и степени тугоумия Попова, но только махнул рукой. Дескать, раз не хотите меня поддержать в переговорах, потом пеняйте на себя. А с этим никто и не спорил! Эльф довольно оскалился.

– Так мы отправляемся? – поинтересовался он. Андрюша попытался что-то сказать, но не успел.

– Отправляемся, – буркнул Сеня, решив взять заботу о Мурзике на себя и прижав его голову к груди. И Лориэль тут же хлопнул в ладоши, осыпая доблестных сотрудников милиции радужной пылью.

* * *

В этот раз болезненные и неприятные эффекты, вроде сухости во рту, головокружения и сонливости, которыми обычно сопровождалась переброска в иной мир, у Рабиновича отсутствовали совершенно. Из прежних привычных симптомов переноса наличествовал только провал в памяти. Причем именно такой, какой бывает при потере сознания. И всё равно Сеня открывал глаза осторожно, опасаясь, что в ту же секунду, когда он вновь увидит солнечный свет, симптомы похмелья могут вернуться. К счастью, их не было. Более того! Рабинович чувствовал себя абсолютно трезвым, будто они не выжрали только что втроем целый литр водки. Сеня не знал, радоваться этому или огорчаться, но твердо был уверен, что знает одного человека, которого это точно огорчит, – Ваню Жомова.

Открыв наконец глаза, Рабинович в первую очередь отыскал взглядом бравого омовца. Тот спокойно сидел на пятой точке, прислонившись к стволу дерева, а на коленях у него покоился Мурзик. От возмущения столь вопиющей наглостью и предательством своего собственного пса Сеня на миг потерял дар речи. Он прекрасно помнил, что Мурзик наотрез отказывался идти к Жомову и успокоился только тогда, когда Сеня прижал пса к себе. И тут нате вам, – как и после всех предыдущих переходов, Мурзик валяется в буквальном смысле в ногах у Жомова. И где тут справедливость?

– Рота, подъем! – истошно завопил Рабинович, как только смог вновь обрести дар речи. – Выходи строиться на центральном проходе!

Ваня, обожавший всякие армейские штучки, вроде строевой подготовки, стрельбы из огнестрельного оружия и марш-бросков, вскочил мгновенно, буквально отшвырнув Мурзика в сторону, и, сделав пару шагов вперед, удивленно осмотрелся по сторонам, отыскивая этот самый пресловутый центральный проход. Мурзик, естественно, после ускорения, полученного от омовца, спать дальше был не в состоянии, а вот Попов на крик Сени никак не отреагировал. Только перевернулся на другой бок и зачмокал губами.

– Так, похоже, нашего кабана снова нужно водичкой поливать, – предположил Рабинович, оглядываясь по сторонам. – Интересно, до ближайшего родника далеко? Или тут водопроводом научились пользоваться?

– Очумел, что ли, – тут же возмутился Попов, вскакивая на ноги. – И не спал я ни фи́га. Просто знал, что ты орать начнешь, и решил притвориться. А ты сразу за воду хватаешься. Что мне, мокрым на прием к Оберону идти?

– Высохнешь по дороге, – фыркнул Рабинович и осмотрелся по сторонам. – Ну, куда нас занесло, я еще понять могу. А вот куда этот несчастный Лориэль подевался, кто мне скажет?

Вся честная компания, не исключая Мурзика, тут же начала оглядываться по сторонам, отыскивая обычно надоедливую эльфа. Однако того нигде не было видно, и троица путешественников поняла, что по крайней мере на время их предоставили самим себе. Что, впрочем, было не так и плохо, учитывая некоторые особенности того места, в котором они оказались.

Даже Ване Жомову, с трудом отличавшему березу от осины, а репейник от чертополоха, место их новой дислокации было совершенно ясно. Лориэль забросил путешественников на ту же самую поляну на окраине Эльфабада, которую доблестные милиционеры уже посещали однажды. Об этом говорило всё: и аккуратная трава, кажущаяся подстриженной, и неестественно зеленые листья деревьев, словно специально подкрашенные молодыми солдатами срочной службы к прибытию столь важных чинов, и сами деревья удивительно правильной формы, начиная от выступавших из почвы корней, кончая аккуратными кронами. Вот только той тропинки, которая была тут раньше, в этот раз не наблюдалось.

– Непорядок, – констатировал ее отсутствие Жомов. – И в какую сторону нам теперь идти?

– А зачем нам куда-то идти, скажи на милость, дорогой ты наш Ванечка? – ехидно поинтересовался Сеня. – У нас Андрюша есть. Пусть такси вызывает.

Однако Попов от такой чести напрочь отказался. Заявив, что не сдвинется с места и не скажет ни слова, пока они не обсудят положение, в котором оказались, Андрюша уселся на траву, в позу, отдаленно напоминающую ту, что индусы называют «лотосом», и сделал вид, что медитирует. Бунта на корабле, тем более от обычно миролюбивого Попова, не ожидал никто. Несколько секунд Жомов с Рабиновичем обменивались мнениями относительно того, как Андрюшу привести в чувство. На повестке дня стояли такие предложения, как:

а) дать Попову в зубы;

б) пнуть его под зад;

в) бросить Андрюшу на поляне, к какой-нибудь гномьей матери, согласно Лориэлевой терминологии;

г) попробовать с ним поговорить.

В итоге консилиум в лице Жомова, Рабиновича и безмолвствовавшего Мурзика – а что толку с ними говорить? – сошелся на мнении, что сначала следует осуществить пункт «г», а уж затем переходить к другим вопросам повестки дня, со всеми вытекающими из них последствиями.

– И какое положение, уважаемый младший лейтенант, ты собираешься с нами обсудить? – как можно более корректно поинтересовался у Попова Сеня.

– А я тебе это еще дома хотел сказать, да ты на своих гарантиях заклинил, – сердито ответил Андрей.

– По-моему, блин, у Попа что-то с головой, – предположил Жомов, поигрывая выразительно дубинкой. – Может быть, мы с ним всё-таки разговаривать не будем, а перейдем сразу ближе к телу? Можно, например, пару раз по лысине его стукнуть. Глядишь, мозги на место вправятся, а то начал какую-то чушь нести.

– Был бы ум, помер бы от дум. Негде коль ума набраться, Ване нечего бояться, – Рабинович выразительно посмотрел на оторопевшего от такого поворота событий Жомова, а затем вновь наклонился к Попову. – Андрей, я серьезно. О чем ты хочешь поговорить?

– Дураки вы оба, – констатировал криминалист, глядя на друзей снизу вверх. – То, что вы оба решили на экскурсию по мирам отправиться, это я уже понял. А вот куда именно, вы придумали?

– А какая нам на хрен разница? – фыркнул Ваня.

– Поговорим с Обероном, а потом и решим, – поддержал омовца Рабинович.

– Да? Прямо у него в тронном зале дискуссию устроим? – язвительно поинтересовался Попов. – Может быть, сначала обсудим возможные варианты?

– Ой, только не надо нам снова головы забивать своим миром-аквариумом, – скривился Жомов. – Кому он интересен? Там и подраться-то не с кем.

– А кто это о мире-аквариуме говорит? – взвился Попов. – А то я не знаю, что вам эстетических наслаждений не нужно. Одному лишь бы карман набить, а другому вообще всё по фигу. Дай только кому-нибудь шею намылить.

– Тоже мне, эстет нашелся. Ценитель прекрасного! – фыркнул Сеня. – Так что ты предлагаешь?

От Попова теперь, конечно, друзья ожидали всего, что угодно, но на такое необычное предложение никто даже не рассчитывал. Начал Андрюша издалека, напомним друзьям о былых приключениях и мирах, которые они посетили. Дескать, согласитесь сами, чем древнее исторический период, тем больше там возможностей и для получения новых ощущений, и для приобретения материальных ценностей, и для размахивания дубинками. Затем Андрюша напомнил о спасенных Сеней музейных ценностях, фотографиях, которые показывал друзьям накануне визита Лориэля, и наконец скромно признался, что уже который месяц штудирует культуру Мезоамерики.

– Чего-чего? – удивили Жомов. – Северную, Южную, Латинскую Америку знаю, но про твою Мезовую еще ни разу не слышал. Это где?

– В Караганде, – отрезал Рабинович. – Это во-первых. А во-вторых, Латинская Америка – это не часть света, а название группы государств, населенных испаноговорящими людьми.

– Чем говорящими? Испанами? – еще больше оторопел омовец. – Я думал, все люди ротами говорят.

– Батальонами они говорят, а не ротами, грамотей хренов! – не выдержал Попов и с надеждой в глазах посмотрел на Сеню. – Нет, я серьезно. Давайте в Мезоамерику смотаемся. Вы только послушайте, какие имена там встречаются, просто песня – Кецалькоатль, Пернатый Змей; Тлалок, повелитель огня; Мишкоатль, бог звезд... Заслушаешься! А архитектура там какая? Об одном только Теотиуакане с его храмами и дворцами легенды складывают, а мы его воочию можем увидеть...

– И что нам с этих индейских богов и архитектуры выгорит? – как можно более спокойно поинтересовался Рабинович.

– А то! – Попов, просто переполняемый энтузиазмом, вскочил на ноги. – Хочешь, Сеня, тебе отрывок легенды наизусть прочитаю?... Слушай. «В храме было четыре помещения: первое, выходящее на восток, было из золота и называлось золотым домом, поскольку было облицовано золотыми пластинами; второе выходило на запад и называлось изумрудным домом, поскольку внутри него была отделка из драгоценных камней». Ну и так далее. Это, конечно, миф, но ведь мы можем и в мифический мир отправиться. Наверняка среди параллельных миров такой есть!.. Это тебе, Сеня, пища для раздумий, – а затем криминалист повернулся к задумавшемуся Жомову. Согласитесь, весьма странное и необычное зрелище.

– И для тебя, Ваня, там дело найдется. Ты только представь, что жители Мезоамерики почти каждый день человеческие жертвоприношения делали! А потом еще и конкистадоры

заявились, начали мирное население грабить. И прикинь, никто им Уголовный кодекс не читал!.. Ну, что скажете? Чем не хорошее место для отдыха? Вы своими делами займетесь, а я проверю, правду ли говорят ученые об истории Мезоамерики.

– Ладно, мы над твоим предложением подумаем, – пообещал Сеня, прежде чем омоновец успел что-то сказать. – Только давай сначала хоть до той гостиницы, где мы раньше останавливались, доберемся.

Путь до гостиницы оказался долог и тернист. И всё оттого, что вызванное Поповым такси оказалось старым, плохо функционирующим и с ужасно неудобным салоном. Попросту говоря, вместо нормального автомобиля, как это было при прошлом визите доблестных милиционеров в Эльфабад, приехала самая обычная карета. Запряжена она была настоящим кипенно-белым единорогом, оснащена откидным верхом, деревянными рессорами и, разумеется, изрисована по бортам желтыми шашечками. Плюс ко всему, возница оказался самым что ни на есть настоящим лепреконом, облаченным в ярко-зеленый парадный сюртук, но легче от этой помпезности тяготы грунтовой дороги путешественниками почему-то переноситься не стали.

– Это что за колымага такая? – оторопел Рабинович, увидев въезжающую на поляну карету. – Попов, ты чего опять отчудил?

– А я-то тут при чем? – обиделся Андрей. – Сами слышали, что я такси вызывал. Откуда мне знать, почему вместо нормальной машины этот раритет прислали?

– А это для того, чтобы ты эротическое наслаждение получил, – с умной физиономией заявил Жомов.

– Какое? – оторопели враз Сеня с криминалистом.

– Эротическое, – совершенно не понимая, отчего вдруг отупели друзья, пояснил омоновец. – Ты же сам говорил, мол, одному только карман набить, другой лишь кулаками махать умеет, а я хочу эротически наслаждаться.

– Эстетически, дубина ты стоеросовая! – взвыл Попов. – Эс-те-ти-чес-кое! Понял?

– А я как сказал? – искренне удивился Жомов.

– А ты, милый друг Ванечка, сказал, что Андрюше после езды в карете женщина уже будет не нужна, – пояснил Сеня, но Жомов вновь ничего не понял.

– Это смотря как этот хмырь поедет, – пожал он плечами, кивая на лепрекона. – Если по кочкам с бешеной скоростью повезет, то у нас полны штаны омлета будут, и о женщинах всем, а не только Попову придется забыть.

– И это, по-твоему, называется эротическим наслаждением? – вытаращив глаза, поинтересовался Сеня.

– А при чем тут эротика? – омоновец просто был ошарашен этим вопросом.

– Ты сам об эротическом наслаждении говорил!!! – почти в один голос взвыли Попов с Рабиновичем.

– Ну до чего же вы тупые, блин, – возмутился Жомов. – Я говорил про эстетическое, и не нужно мне тут бабушку лохматить.

После такого Ваниного заявления остальным членам команды оставалось только застонать и, обхватив руками головы, пытаться не дать распухшим мозгам выбраться наружу. Сеня, конечно, мог бы достойно прокомментировать последнее изречение омоновца, но делать этого не стал, боясь, что дальше спор пойдет в такие казуистические бредни, из которых потом никогда не выберется. Лепреконе, до этого молча наблюдавший за диалогом сотрудников российской милиции, наконец решил внести свою лепту в столь развеселое общение.

– Ну так мы едем куда-нибудь или нет? – поинтересовался он. Голос у лепрекона оказался удивительно писклявым и противным. Сеня поморщился, а Жомов нагло повернулся к вознице.

– А у тебя что, горит где-нибудь? Сейчас остужу, – пообещал он.

– Мне просто не оплачиваются, – попытался было возмутиться лепрекон, но, разглядев, наконец, что написано на физиономии омовца, смирился. – Да спорьте, сколько хотите. Я уж лучше останусь с невыполненной нормой, чем с пособием по инвалидности.

– А вот это правильно, – почти с горбачевскими интонациями похвалил возницу Рабинович. Тот, готовый уже абсолютно со всем соглашаться, молча кивнул.

Впрочем, больше задерживаться на поляне путешественники не стали. И причин для этого не было, да и в гостиницу с отличной русской банькой и холодным разливным пивом друзьям страшно хотелось побыстрее попасть. О чем они лепрекону и заявили. То есть не о своих желаниях, конечно, а о намерении попасть в гостиницу. И вот тут выяснилось, что есть еще одна проблема, мешающая друзьям отправиться в путь, – единорог!

Забираясь в карету, все трое даже не вспомнили о том, как жутко ненавидят Попова все парнокопытные существа параллельных миров. Начиная от обычных лошадей, кончая кентаврами, все они так и норовили Андрею насолить. То за ляжку пытались кусать, то плевались без причины, а иногда и лягнуть могли.

Единорог, являвшийся согласно учению о происхождении видов местного Дарвина, был парнокопытным. Поначалу, пока Андрей стоял довольно далеко от кареты, рогатый конь его старался игнорировать и заниматься собственными делами вообще и принятием пищи в частности. Ну а когда Попов решил залезть в карету, несчастное животное потеряло покой, голову и содержимое своего желудка. Причем последнее сделало так метко, что Попов оказался изгажен с ног до головы. На несколько секунд после этого поляну поглотила гробовая тишина, а затем под жуткий гогот Жомова с Рабиновичем Андрюша бросился драться с единорогом.

Бой получился на славу. Изгаженный Попов на всей возможной скорости таранил головой единорога. Тот, решив не остаться в долгу, попытался лягнуть криминалиста, но в силу того, что был запряжен в карету, попал копытом по колесу и сломал его. Ключевшая вниз одним углом карета сбросила с сиденья лепрекона, который весьма эффектно приземлился в те остатки содержимого желудка единорога, которые умудрились не долететь до Попова. Возница заорал благим матом, слушая который любой удивился бы, как может этот персонаж западного фольклора знать столько исконно русских выражений.

Попов тоже заорал. Но не ради солидарности с лепреконом, а оттого, что, идя второй раз на таран, поскользнулся и пролетел мимо наглой животины, зацепившись воротником за рог данного существа. Рогатый конь тут же воспользовался полученным преимуществом и, решив раз и навсегда покончить с заклятым врагом парнокопытных, принялся мотать башкой из стороны в сторону, надеясь звездануть Андрюшу всей фигурой тела о ближайший дуб.

Может быть, это у единорога и получилось бы, но обиженный Попов заорал так, что первый же дуб, стоявший на его пути, рухнул, повалив на землю парочку своих ни в чем не повинных собратьев.

Рогатый конь попытался швырнуть Попова на соседние дубы, но не рассчитал амплитуды. И вместо того, чтобы ударить криминалиста головой о дерево, закинул его себе на спину. Ну а если учесть, что Попов в это время орать не переставал, то вполне понятно, почему единорог заработал легкую контузию вкуче с сотрясением мозга и как подкошенный рухнул на землю. Только тогда Андрюша смог твердо встать на ноги и уставиться на помирающих со смеху коллег.

– И какого хрена вы ржете, менты поганые? – заорал он так, что Рабинович с Жомовым тут же покатались по траве. Правда, теперь не от смеха, а от звуковой ударной волны. Смех с них тут же Андрюшиным криком и сдуло.

– Сам ты ментяра, блин, – обиделся Жомов, поднимаясь на ноги. – Еще раз свой топережевывающий комбайн на меня разинешь, я тебе туда оба своих берца вобью. Вместе с носками.

– Во-во. А я помогу, – согласился с ним Сеня, растирая уши. – Какого хрена ты нас оглушить решил? Мы-то тут при чем? Мы на тебя, что ли, гадили?

– Еще бы вы гадить начали. Всех бы тогда убил, – буркнул Попов и, сорвав пук травы, принялся стирать с себя следы пищеварения единорога.

Всё еще ухмыляясь, правда, теперь сочувственно, а не издевательски, Сеня с омовцем принялись помогать Андрюше приводить себя в божеский вид. Они, конечно, криминалиста не оттирали, но растительностью для этой цели снабжали его беспрестанно и даже уговаривали сильно не расстраиваться. Дескать, хоть и не все парнокопытные свиньи по форме, но по сути – поросята, как минимум. Это, впрочем, мало утешало несчастного криминалиста. А когда Жомов неудачно предположил, что Попов еще должен радоваться, что на месте единорога не оказался носорог, Андрей чуть не накинулся на него с кулаками. И за этой суетой все как-то забыли о лепреконе.

– Ну и кто мне за всё это платить будет? – писклявым голосом напомнил тот о себе, обводя руками покореженное такси и бездыханного единорога.

– Оберону вашему счет пришлешь, – прежде чем Жомов успел на пальцах разъяснить вознище формы и способы оплаты, используемые омовцами, ответил лепрекону Рабинович. – Он тебе всё и оплатит.

– Как же, дождешься от него, – прогундосил таксист.

– А ты мне еще поплачься тут в бронежилет, – рявкнул на него Ваня. – Нужно учить свою лошадь гадить только в специально отведенных местах. Ясно? И еще спасибо скажи, что мы тебя под суд за оскорбление мундира не отдали.

– Спасибо, – безропотно согласился лепрекон.

– Засунь себе это спасибо туда, откуда у тебя эта рогатая лошадь вылезла! – не успокоился омовец и прежде чем возница сообразил, что и куда нужно совать, добавил: – Тачку нам сюда другую пришли. И на этот раз чтобы она на бензине, а не на траве работала. Ясно?

– Не могу, – скривясь, как от зубной боли, заявил возница. – Сегодня весь транспорт из парка по объектам расписан. Ни одного свободного такси нет. Меня к вам на целый день выделили.

– Че-го?! – оторопел Жомов и начал отстегивать от пояса дубинку. – Сейчас я тебе покажу, чем трамвай от пылесоса отличается.

– Вань, да отстань ты от него, – вступился за лепрекона Попов. – Не видишь, он сейчас плакать начнет.

– Во, блин! – удивился Иван, но дубинку спрятал. – За этого дурака еще заступиться хочешь, а он всем кисельным барышням сопли мундиром вытирает.

– Кисейным, – поправил его Рабинович. – И потом, любая барышня сразу повесилась бы, если бы Андрюша ей таким мундиром попытался сопли вытереть, – а затем посмотрел на возницу. – Колымагу свою починить можешь?

– Могу. Но это немало времени займет, – шмыгнув носом, дабы не портить о себе впечатление, ответил лепрекон.

– Вот и приступай, – скомандовал ему Попов. – И заодно лошади своей все отверстия, кроме дыхательных, заткни.

Поначалу, вспомнив о том, как во время прошлого визита российских милиционеров в Эльфабад в ответ на требование покормить кабан любезно оторвал собственную ногу, Андрюша предположил, что и колесо кареты можно регенерировать подобным образом. Но оказалось, что в столице эльфийского мира на такое способны только живые существа. Растения и те регенеративными свойствами в полной мере не обладали. Правда, сама экосистема здесь была какая-то слишком хитрая, упавшие деревья мгновенно рассыпались в прах, труху смыло легким дождичком, кстати, аккуратно обошедшим людей стороной, и под его капель прямо на глазах вымахали новые, точно такие же.

– Прикинь, Сеня, – глядя на это безобразие, предположил Жомов. – Если бы нам на Колыму куда-нибудь такой лес, это как бы зэки вешались, когда получали бы задание делянку расчистить?

– Кто о чем, а лысый о расческе, – фыркнул Рабинович. – Ты бы, Вань, вместо того, чтобы фантазировать, занялся чем-нибудь. Пистолет, что ли, почистил бы?..

Бравый омовец тут же согласился с тем, что почистить пистолет – дельная мысль, и принялся возиться с оружием. Остальные, за исключением Мурзика, привалились к деревьям и стали наблюдать, как лепрекон чинит карету. А пес, облаив по пути единорога, уже пришедшего в себя, умчался куда-то в лес по своим собачьим делам. Сеня поначалу хотел вернуть его, а затем махнул рукой.

Всё равно Мурзик далеко не убежит, а будут уезжать, пса и позвать можно.

Чинил возница карету более чем странно. То есть поначалу все его действия мало отличались от тех которые производит водитель, меняя проколотое колесо на запасное, но затем начались странности. Вместо того чтобы достать откуда-нибудь «запаску» или попытаться восстановить то, что осталось после удара копыта единорога, лепрекон просто опустил на пятую точку и принялся жевать травинку.

Некоторое время Попов с Рабиновичем молча выносили это издевательство над слесарно-ремонтным делом, а затем Сеня уже собрался встать и рявкнуть на нерадивого ремонтника, но в этот момент из леса выкатилось совершенно новенькое каретное колесо. Забыв, что в мире эльфов удивляться ничему не надо, Рабинович открыл от удивления рот, а колесо, подкатившись к втулке, само на нее запрыгнуло. Лепрекону осталось только закрепить его, и ремонт был закончен.

Через пару минут, позвав Мурзика, доблестные российские милиционеры забрались в карету. Единорог, смирившись со своей горькой участью и опасаясь куда более тяжелых травм, чем полученные полчаса назад, вел себя совершенно спокойно. Хотя коситься на Попова и не переставал. Впрочем, рогатая лошадь уже никого не волновала, и когда карета тронулась с места, Сеня, наконец, спросил у возницы, кто он такой, как его зовут и как таксист оказался в Эльфабаде.

– Я лепрекон из Лепремира, – писклявым голосом ответил возница. – Зовут меня Лохич, а в Эльфабаде я в поисках работы. Видите ли, наш мир славится во всей Вселенной как родина лучших певцов, танцоров и музыкантов. Ну там и композиторов с поэтами всякими тоже. Чтобы найти у нас достойную работу, нужно минимум на голову быть выше своих ровесников в каких-нибудь музыкальных искусствах, а мне человек на ухо наступил...

– Кто тебе на ухо наступил? – оторопел Жомов.

– Не принимайте это на свой счет, – тут же торопливо прокомментировал свои слова возница. – Просто у нас так говорят. Это вы там у себя можете всякими оркестрами, балетами и всякой попсой восхищаться, а у нас их детям показывают, чтобы те поняли, каким не должно быть искусство... Но это так, к слову! Так вот, нормальную работу дома я не смог найти, а тут услышал, что Эльфабад объявили зоной открытой миграции, и решил рвануть сюда. У меня один знакомый орк был, так вот он говорил, что эльфы хорошо платят...

– И как? Действительно хорошо? – поинтересовался Сеня.

– Пока не жалею, – пожал плечами Лохич. – Конечно, работа таксиста – так себе, но я со временем надеюсь что-нибудь получше найти. Например, какого-нибудь молодого эльфенка буду музыке обучать. Для этого слух не нужен.

– А почему Эльфабад объявили зоной свободной миграции? – проявил неожиданный интерес Попов. – И что это вообще такое?

– Зона свободной миграции? – полуобернулся к нему лепрекон. – Это просто. Это когда впускают всех на временное жительство, а потом насильно предлагают дальнейшее трудо-

устройство в других районах. А объявили Эльфабад зоной потому, что вселенная эльфов расширяется.

– Как это вселенная эльфов расширяется? – насторожился Рабинович.

– Не знаю, но это частое явление, – успокоил его Лохич. – Все миры когда-нибудь начинают или расширяться, или сжиматься. Я в это не вникал. Если вам нужно, спросите кого-нибудь из эльфов. Они во вселенных лучше меня разбираются.

– И что, много народу в Эльфабад понаехало? – вернулся к волнующей его теме Попов.

– Полно. И отовсюду. Я вот смотрю, даже вы из своей зачуханной Вселенной сюда пожаловали, – усмехнулся лепреккон.

– Алле, гараж! Ты выражения-то выбирай, – осадил его Ваня.

– Извиняюсь, – мгновенно среагировал возница, и на этом разговор сам собой угас.

Как и рассказывал Лохич, Эльфабад здорово изменился. Нет, архитектура и общее направление улиц остались такими же сумасшедшими, как и были, но сразу на выезде из леса, на окраине города, появились странные сооружения, похожие на вигвамы индейцев Северной Америки, но сделанные не из шкур, а из веток. Лепреккон тут же услужливо объяснил, что это древодома. То есть выращенные специальным образом кусты, внутри которых можно жить достаточно комфортно. По крайней мере в теплое время года. А поскольку иного в Эльфабаде и не бывало, то – круглогодично. Со слов того же Лохича выходило, что эти древодома выращены специально для мигрантов, и для их производства были привезены в Эльфабад несколько самых молодых онтов. Те, кому не больше семи-восьми тысяч лет по людскому летосчислению. Попов на всякий случай поинтересовался, нет ли среди них Корявня, с которым наши герои познакомились в древней Англии, но лепреккон о таком даже и не слышал. Андрюша, не желавший, как некогда обещал он, подрастать на грядке, замоченным в свежем навозе, немного успокоился, а Сеня, вспомнив давнюю страсть к Ровену, наоборот, загрустил. Впрочем, ненадолго. Кроме появившихся на окраинах Эльфабада древодомов, город претерпел и еще одно изменение. Если раньше улицы его были почти пустынные, то теперь они, напротив, просто ломились от толп. Существа российским милиционерам по дороге в гостиницу встречались самые разные. Были тут и знакомые – гномы, кентавры, орки, эльфы, феи, дриады и прочие, но немало было и таких, о которых путешественники даже и не слышали – одна только перекатывающаяся сама по себе куча камней с глазами чего стоила!

Ну а от грустных воспоминаний Сеню отвлекли три удивительно красивые девицы, одетые более чем откровенно. Увидев их, Рабинович вытаращил глаза, да и у Жомова с Поповым отвисли челюсти. А когда девицы еще и, игриво рассмеявшись, помахали тарацившимися на них милиционерам ручками, кое у кого – не будем показывать пальцем! – где-то ёкнуло.

– Жомов, пасть закрой, а то глаза завяжу, – одернул друга Сеня. – У тебя Ленка дома. Вот узнает, как ты на всяких девочек слюни пускаешь...

– Ага, узнает! Только если ты ей скажешь, – недовольно буркнул омоновец, но рот всё-таки закрыл.

– Почему я? У нас еще и Попов есть, – тут же отмазался Рабинович и, прежде чем Андрей возмущенно завопил, толкнул лепреккона в плечо, кивком показывая на девиц. – Это кто такие? Откуда?

– А-а, тьфу ты! Нашли на кого смотреть, – брезгливо поморщился Лохич. – Это же суккубы. У них только секс на уме. Они тут на легком заработке.

– Проститутки, значит? – скорее констатировал, чем спросил Жомов. – И почему, интересно, как красивая девушка, так путана, а как страшная – так чья-то жена?

– Это ты на свою Ленку намекаешь? – съязвил Сеня, и омоновец, задохнувшись от негодования, так и не смог придумать, как ему поязвительней ответить.

– У меня Ленка хорошая, – отрезал Жомов и сделал вид, что вопрос на этом исчерпан.

– Ну почему же все красивые обязательно путаны? – лепрекон Ванину жену не знал, поэтому две последние фразы пропустил и продолжил разговор: – Это просто у них сущность такая, а остальные живут как могут. Вон у моего начальника, эльфа, жена такая красивая, что глаз не оторвешь!

– И ты на нее, как я понял, зуб положил? – скабречно ухмыльнулся Рабинович.

В этот момент Мурзик, видимо, решив, что дальше пойдут такие сальности, о которых в приличном обществе упоминать не следует, решил отвлечь людей от пошлых мыслей. Для этих целей ничего иного, кроме как истошно заорать, пес придумать не смог. Милиционеры, привыкшие к тому, что Мурзик лает только тогда, когда кому-то угрожает опасность, мгновенно схватились за дубинки и принялись оглядываться по сторонам, стараясь понять, откуда исходит угроза. Не найдя ничего подходящего для учинения расправы, Жомов расстроился и вновь посоветовал Сене отвести пса к ветеринару. На что и получил стандартный ответ: «Тебе самому лечиться надо!»

Впрочем, немного развлечься омовец всё же смог. Едва пес закончил гавкать, как тут же к такси подскочило какое-то волосатое человекоподобное существо и принялось лаять на Мурзика. От такой наглости сначала все три милиционера просто ошалели, как и сам пес, а затем молниеносная реакция Жомова положила конец этому безобразию. Отстегнув дубинку, Ваня в одно мгновение опустил ее на голову волосатика. А пока тот падал в пыль, выскочил и успел пару раз пнуть его берцами в бок.

– Да прекратите же вы несчастного оборотня мучить! – забыв о том, что и сам в любой момент может схлопотать по зубам, завопил лепрекон. – Он же ничего плохого никому не делает. Просто немного собачий язык понимает, вот и решил с вашим псом пообщаться.

– Ага! Ты еще скажи, что собаки разговаривать умеют, – усмехнулся Жомов, оставив-таки оборотня в покое. (Ой, Ваня, откусил бы я тебе кое-что, да брезгую такие вещи в пасть брать!) – И что ты их язык понимаешь!

– Нет, я не понимаю, – покачал головой Лохич. – А то, что любое существо говорить может, знаю не понаслышке. Кстати, мы уже приехали. С вас сто семьдесят два эльфийских дуката...

– Что-о-о? – услышав последнюю фразу, взревел Рабинович.

– Ой, простите великодушно. Забылся! – залепетал перепуганный возница. – Пока устраивайтесь, а я вас тут подожду. Может быть, еще куда-нибудь захотите отправиться.

Удовлетворенно кивнув, Сеня сначала выпустил из кареты Мурзика, а затем выбрался и сам. Несколько секунд, поджидая, пока остальные путешественники покинут транспортное средство, Рабинович стоял на месте, разминая затекшие от неудобного сидения ноги, а затем двинулся к дверям гостиницы. Путь ему преградил какой-то огромный и абсолютно лысый урод в набедренной повязке на талии, с огромным золотым медальоном на груди и с гигантской дубиной в непропорционально больших кулаках.

– Менты. С Земли. Из двадцать первого века. – Почему-то вопросами эти фразы не звучали. – А ну-ка марш обратно в такси и проваливайте отсюда к...

Закончить фразу гигант не успел. Едва Рабинович понял, что на него самого и на его друзей нагло наезжает какой-то гоблин, как резиновая дубинка сама оказалась у него в руках. Во время прошлых путешествий по вселенным это хоть и грозное, но отнюдь не смертоносное оружие российских милиционеров открыло в себе удивительные свойства: при соприкосновении с металлом «демократизатор» увеличивал силу удара в десятки, а то и сотни раз. Сеня не мог вспомнить, действовала ли дубинка так же и в Эльфабаде... Да что там! Он и не вспомнил. Даже не стараясь понять, кто перед ним, чего он хочет и к каким последствиям конфликт может привести, Рабинович просто, повинувшись инстинктам, врезал что есть силы «демократизатором» прямо в золотой медальон гиганта.

Сначала раздался звон, как от удара по треснувшему колоколу. Затем в груди великана что-то хрустнуло, и он, закатив глаза, плашмя рухнул на спину, едва не выбив головой двери гостиницы. На несколько секунд толпа вокруг эльфийского отеля замерла и замолчала, даже перестав дышать. Затем по ней пронесся вздох – то ли удивления, то ли испуга, Сеня этого так и не понял, – и лишь потом кто-то завопил:

– Тролля убили! Тролля из гвардии Оберона, как муху, прихлопнули-и-и-и!!! – и толпа бросилась врассыпную.

– Ой, мамочки, что же теперь будет?! – всхлипнул лепрекон и спрятался под козлы, на которых сидел. И через минуту перед дверями гостиницы никого, кроме трех милиционеров, пса и поверженного тролля не было.

– А пусть не наезжает, – неизвестно кому объяснил свои действия кинолог.

– А я и не наезжал, – неожиданно проговорил тролль, с трудом пытаясь сесть. – Просто я по-другому разговаривать не умею.

– Ну так сейчас-то ты по-другому говоришь, – констатировал перемены Попов.

– С вами, ментами, чему хочешь научишься, – буркнул тролль, вставая на ноги. – И даже чему не хочешь тоже! Меня Оберон послал, чтобы вас встретить и срочно доставить во дворец.

– Надо было сразу так и говорить, – сухо отрезал Сеня. – И почему такая срочность?

– Так мир эльфов расширяется, – пояснил гигант. – Межмировые переходы из-за этого перестраивать будут. Оберон говорит, что если вы хотите куда-нибудь отправиться, нужно решать сразу. Иначе застрянете в Эльфабаде недели на две.

– А почему Оберон эльфа какого-нибудь не прислал? Лоризэля того же? – подозрительно спросил Рабинович.

– Заняты все эльфы. МП-переходы держат, – всё еще постанывая, ответил побитый тролль. – Кроме меня, прислать было некого.

– Ну что же, тогда поехали. Торчать здесь две недели мне несколько не в кайф, – ответил кинолог и, подхватив пса, забрался в карету. – Давай, извозчик. Да по мостовой!..

И извозчик дал! Едва путешественники забрались в карету, как Лохич так подхлестнул единорога, что тот помчался пулей, только копыта сверкали. Тролля, естественно, места в такси не нашлось. Впрочем, он обошелся и без этого. Гигант так быстро передвигался, что от мчащейся повозки отстал всего лишь на десяток секунд. И, опередив милиционеров, первым подскочил к двери.

– Заходи, странник. Для тебя здесь двери открыты! – прорычал он, а когда Рабинович проходил мимо, чуть слышно произнес: – Только Оберону не говорите, как меня вырубили. С работы сразу же выгонит на хрен!

Во дворце правителя эльфов, в отличие от города, не изменилось ровным счетом ничего. Та же помпезность приема, те же слуги и телохранители у трона. И глядя на них, Сеня подивился, какой же Оберон жлоб. Значит, все эльфы порталы держат, а его личная стража, которая ни на фиг здесь, во дворце не нужна, стоит у трона и прохлаждается. Фавориты, блин!

– Слушайте, времени в обрез. Поэтому давайте без церемоний, – неожиданно для путешественников, полностью нарушив дворцовый этикет, заявил Оберон. – Я вам сейчас службу предлагать не буду. Просто, если захотите со мной ее условия потом обсудить, решайте, куда на экскурсию отправитесь. Кстати, согласие на путешествие вас ни к чему не обязывает. Вы вольны отказаться работать на меня в любой момент. А предоставление вам экскурсии считайте просто жестом доброй воли... Ну так что?

– Мы хотим в мир, идентичный нашей Мезоамерике, – прежде чем кто-нибудь успел разинуть рот, заявил Попов. – Время значения не имеет. Лишь бы уже наступила наша эра, но конкиста еще не началась!

– Как скажете, – кивнул головой правитель эльфов и хлопнул в ладоши. И трех милиционеров с собакой накрыло волной пустой черноты...

Глава 3

Здравствуйте! Проходите. Ботинки не снимайте...
Никита Хрущев

У вас соседи спокойные? Не поют песни по ночам? По утрам дюбеля в стены не заколачивают?.. Значит, вам повезло. Как и нам с Сеней. А по-другому и быть не могло. Когда служители правопорядка за стенкой, никто особо правила общежития нарушать и не стремится. Правда, у нас однажды сосед бузить начал: с шести утра и до ухода на работу ремонт решил дома делать. Дескать, возможности заниматься хозяйством в другое время у него нету. Мой Рабинович раз его попросил пересмотреть свой график, на второй раз предупредил, ну а когда сосед его по матушке послал, Сеня взбеленился и такую жизнь ремонтнику устроил, что тот до сих пор Рабиновичу с полочки деньги отдает. Дань выплачивает за моральный ущерб. Но это я отвлекся. Просто для того этот случай рассказал, чтобы вы поняли, что я почувствовал, когда оказался в новом мире. Первое, что я услышал после переноса, устроенного нам Обероном, это дикий, истощный вой, помноженный на хохот и разбавленный пулеметными очередями. Я поначалу решил, что мы дома и эти звуки означают, что Сеня заснул, опять телевизор не выключив. Хотел вскочить и гавкнуть на него как следует, чтобы впредь хоть таймер включал, но затем сообразил, что мы не дома. И даже не в Эльфабаде! Мы кот знает где, благодаря разлюбозному Андрюше. Вскакивать и на кого-то кидаться я тут же раздумал. Наоборот, прикинулся кошачьим хладным трупом и решил посмотреть, что мои коллеги в сложившейся ситуации делать будут. Ну а пока они еще в себя прийти не успели, принюхался, наострил уши и слегка приоткрыл правый глаз, чтобы понять, в какие это Палестины нас теперь занесло. В первую очередь выяснил, что кого как, а меня опять занесло на широкую грудь Жомова. Вот ведь в который раз из мира в мир переносюсь, а постоянно удивляюсь... Кто бы меня за поводок ни держал, кто бы рядом ни находился, а очнусь, как всегда, рядом с Ваней! Мне захотелось с омоновского мундира слезть, чтобы, если Сеня опять «рота, подъем!» орать начнет, Ваня меня куда-нибудь в кусты, как приبلудного щенка, не зашвырнул. Я уж собрался это сделать, но затем понял, что, очнувшись раньше моих друзей, сам себе весь праздник испорчу, и остался лежать.

Что и говорить, во время прошлых наших скачков по вселенным насмотрелись мы, конечно, всякого, но вот в джунглях бывать еще не приходилось. Или как у них там, в Мезоамерике леса назывались?.. Сельва?.. Нет, сельва около Амазонки. А насколько я знаю, мы где-то на мексиканском побережье должны быть...

Кстати, Ваня был не так уж не прав, говоря, что Мезоамерики никакой не знает и знать не хочет. Я про нее тоже когда-то не знал, но, как на грех, телевизор смотреть люблю. Каналы я переключать не умею – конечности не приспособлены! – но носом сетевую кнопку включать натренировался. И если Сеня, уходя из дома на очередную случку... гав ты, свидание и оставляя меня одного, забывает шнур из сети выдернуть, я весь вечер сижу и телевизор смотрю. Ну а поскольку выбирать, что смотреть, не могу, вот и луплю глаза на что попало.

Про Мезоамерику я тоже из телевизора узнал. Передача там какая-то есть нерусская, вроде «Часа Дискавери», где про всякие исторические факты рассказывают. Я ее несколько раз смотрел, и в одной из программ как раз про Мезоамерику-то и говорили. Не буду пересказывать вам всё, что дикторы тогда наплели, скажу лишь, что ученые додумались назвать Мезоамерикой кусок суши, начиная с нынешнего штата Невада и кончая северной оконечностью южноамериканского материка. В общем, все места, где цивилизации всяких майя, ацтеков, ольмеков и прочих теотнуаканцев проживали. Без прописки, кстати. Потом пришел Кортес и всем им прописал по первое число!..

Но Кортес, надеюсь, нас касаться не будет, поскольку мы в отпуске. Поэтому давайте вернемся к нашим баранам... То бишь не к вашим баранам, а к моим козлам... Хотя какие же они козлы, когда все трое без рогов, копыт и бород обходятся? Так, просто обычные российские милиционеры. И не советую вам их козлами и ментами называть. Это мы, так сказать, в кругу семьи, сами себя можем обозвать как угодно, а вам, гражданским лицам, такое удовольствие строго запрещено. А то, помню, был один случай... Впрочем, что это я? Болтаю и болтаю о всякой ерунде, а вам, наверное, ничуть не меньше меня на Мезоамерику посмотреть хочется.

Сразу вас разочарую: в ботанике я не силен. Это еще в российском Нечерноземье я кое-какие названия деревьев, кустов и трав знаю, а в джунглях кокосовую пальму от фигового дерева не отличу. В общем, рассказать вам подробно о том, что росло вокруг нас, не могу. Но росло всё это так густо и в таких больших количествах, что любой огородник, увидев столько сорняков, просто удавился бы на своей лопате! Хотя не знаю. Может быть, то, что росло вокруг нас, сорняками и не являлось. Может, оно всё съедобное. Для коров...

Обычно для нашей выброски эльфы выбирали места достаточно ровные и очищенные от густой растительности. В этот раз всё было не так. То ли в Мезоамерике мест ровных в то время не было, то ли из-за технических проблем переход не очень хорошим у эльфов получился, но в этот раз выбросили нас на пяточок размером едва больше кухни коммунальной квартиры. С трех сторон от места нашей высадки щетинились всякими лианами и прочими колючками джунгли, а с четвертой наблюдалось относительно свободное пространство. Более того, это пространство было уложено тщательно подогнанными каменными плитами, и если я хоть что-то в пространствах понимаю, являлось самой настоящей мощеной дорогой.

Сколько я ни прислушивался, звуки мне информации никакой не дали. То есть информации, конечно, было много, но вся эта какофония оказалась столь чуждой моему уху, что ничего полезного из массы звуков я почерпнуть не смог. Разве что людей пока поблизости не услышал. Даже несмотря на дорогу.

С запахами дело обстояло не лучше. Из всего букета ароматов я смог узнать только запах прелой растительности, птичьего помета, тонкий, едва различимый аромат страха преследуемой дичи и куда как более заметный резкий дух хищника. Какого точно, сказать я не мог, но пахло от него, как в зоопарке. Пума. Может быть, ягуар. Или кугуар? Кот его знает, кто именно у них тут водится. Я чуть зашевелился, пытаюсь понять, как далеко этот хищник находится и может ли он таить угрозу для моих бесчувственных подопечных, но до конца сосредоточиться так и не смог, потому что разбудил Ваню Жомова.

– Так, Поп, а кто это тебе сказал, что мы в эту твою Мезоамерику собрались? – тоном конкретного милицейского наезда отчетливо произнес омовец и лишь затем открыл глаза. – И чего ты, Мурзик, ко мне целоваться лезешь?..

Я целоваться лезу? Ты совсем, Ваня, с катушек съехал? Это вы, гомо сапиенсы, такой негигиеничный способ ухаживания практикуете, а мы, псы, более цивилизованные пути к сердцу самки находим. Дерево, например, обо... В общем, это не важно! Важным было лишь то, что от жомовского наезда я так обиделся, что в голос заорал. Вот и конец спектаклю! Пришлось встать с широкой груди омовца и сделать такой вид, будто разведка местности на предмет наличия в окрестностях незарегистрированных собачьих меток для меня сейчас самое главное. Но Ване мои уловки были по барабану. Большому полковому басовому барабану, призванному указывать солдатам, в каком именно ритме следует левой ногой топтать по асфальту.

– Опа-на, блин! – изумился Ваня, разглядывая окрестности. – Мы уже, оказывается, прибыли на объект? Без санкции прокурора. Или я сейчас кого-нибудь убью, или здорово покалечу. В любом случае держите Попова от меня подальше. На Килиманджаро, например.

– А ты откуда слова такие знаешь? – поднимаясь с густой сочной травы, полюбопытствовал мой Сеня.

Вот уж теперь пришло время мне удивиться. Если честно, я с самого начала был против любых экскурсий, предлагаемых Обероном. Ну не доверяю я этому седому болтуну, хоть убей! За версту от него несет обманом и хитростью. Конечно, может быть, все цари такие. Утверждать не берусь, не так уж много я их в своей жизни видел. Но не нравился мне Оберон, и всё тут!

Сеня мой хоть повелителю эльфов тоже не слишком доверял, но провести несколько дней на «пятизвездном» курорте за чужой счет никогда не отказывался. Может быть, потому, что до сих пор этого ему не предлагали. Однако я думал, что перенос в Мезоамерику мой Рабинович воспримет куда как более агрессивно. Хотя бы потому, что терпеть не мог, когда за него кто-нибудь что-нибудь решает. Тем более Попов. Но то ли я слишком плохо знал своего хозяина, то ли возможность урвать кусок от мифических сокровищ ацтеков и майя значила для него куда больше, чем проявление Андрюшей самовольства.

– От верблюда, – в ответ на Сенин вопрос буркнул омовец, видимо, удивленный ничуть не меньше моего. – А ты сам чего такой спокойный, будто олигарх на допросе? По-твоему, это нормально, что Попов нас сюда затащил?

– А тебе не всё равно, где отдыхать? – как истинный мент, вопросом на вопрос ответил Рабинович.

Жомов задумался. Я уже собрался пару часиков по джунглям погулять, пока у Ванюши мыслительные процессы идут. Ему, вообще-то, думать вредно. От его раздумий катаклизмы в мире случаются. И не потому, что Ваня что-то злодейски гениальное придумать может. Нет! Просто пока Жомов думает, а мир ждет его решения, коровы в колхозах с голоду сдохнут, на полях леса вырастут, а внуки Ванины успеют состариться, так и не вылезая из колыбели. Если они, эти внуки, откуда-нибудь у кого-нибудь возьмутся! Потому как заниматься их воспроизводством будет некому – все жомовского решения ждут.

Впрочем, в этот раз Ваня умудрился думать недолго. Может быть, вопрос слишком простой был, или, как я подозреваю, дураком Жомов только прикидывается, а у самого – ума палата, но не успел я и пяти шагов в сторону зарослей сделать, как омовец очнулся от раздумий.

– В натуре, мне по фигу, где отдыхать, – с легкой долей удивления в голосе (Америку открыл!) произнес он. – А что Поп валяется тогда? Может быть, пойдём куда-нибудь в кабак, раз уж Оберон за всё платит. Кстати, Сеня, а сколько ты у него денег взял?

– Каких денег? – ошалел от такого заявления мой Рабинович. – Ты видел, что этот хмырь эльфийский мне какие-нибудь чемоданы передавал? Или чек выписывал?

– Не видел, – рассудительно ответил Жомов. – А чем мы тогда расплачиваться за всё будем?

– Может быть, у них тут счет на наше имя открыт? – подал голос Попов, садясь на траву, и принялся со стоном растирать поясницу. – Сволочи, выбросили меня прямо на корень. Пока тут валялся, все почки себе отдал. Кстати, чувствуете, чем пахнет?

– Берцом моим начищенным у тебя под носом сейчас запахнет, – буркнул в ответ Ваня и пояснил, когда криминалист удивленно повернулся к нему: – Что ты мне тут краба из себя изображаешь? Затащил нас сюда, так выводил к какому-нибудь жилью. Такси вызывай, в конце концов!

– Кстати, странно, – произнес мой Сеня, и все, в том числе и я, повернулись к нему. – Вам не кажется подозрительным, что вокруг никого нет? Ни тебе встречающих, ни тебе экскурсоводов. Даже Лориэля нет, чтобы хоть что-нибудь объяснить.

– Ну так тебе же Оберон говорил, что у них сейчас все заняты. Проблемы с МП-переходами, Вот и не может никто нас встретить, – беспечно пожал плечами криминалист. – А то, что жилья рядом нет, вполне объяснимо. Ты же помнишь, мы никогда рядом с населенными

пунктами и не высаживались. Даже в Эльфабаде в лесу оказывались. Может быть, у них такое правило выхода, чтобы аборигенов не травмировать. Кстати, очень даже разумное.

Что же, Андриюшины объяснения были вполне логичными. Если не учитывать то, что мы с друзьями оказались в неизвестном параллельном мире, ничего экстраординарного не случилось. Всё шло по заведомо сложившимся правилам.

Конечно, раньше мы Единую Вселенную спасали, а сейчас были просто на экскурсии. Но ведь, например, из-за того, что вы приехали в наш город в отпуск, остановки общественного транспорта никто в другие места переносить не станет. А эльфы, если посудить, консервативней англичан. Живут веками и веками одним и тем же занимаются. И для нас исключения делать, естественно, не будут.

Мои менты, похоже, считали точно так же. Во всяком случае, волноваться не стали, а спокойно выбрались на мощеную дорогу. Вот тут встал новый вопрос: куда идти? Добротная дорога из плотно подогнанных друг к другу каменных плит тянулась с юго-востока на северо-запад. Никаких указателей, равно как и признаков присутствия человека, на ней не было. Если не считать следом саму дорогу.

Обычно в таких случаях Сеня либо берет на себя функции регулировщика движения и доходчиво объясняет всем, куда именно следует идти, либо перепоручает эту возможность мне, полностью доверяя моим чувствам. В этот раз Рабинович отошел от установленных правил и доверил выбор пути Попову. Но тот в ответ лишь пожал плечами.

– Сеня, а откуда мне знать, в какую именно сторону нам идти? – наивно поинтересовался он.

– Как откуда? – вопросительно вскинул брови Рабинович. – Ты же у нас главный специалист по Мезоамерике.

– Ну и что? – Попов не переставал поражать всех простотой. – Я же не знаю, где именно мы находимся, а потому и не могу сказать, куда нам идти. Ты бы, первый раз оказавшись в чужой квартире, смог бы сразу сказать, где у хозяев соль лежит?

Ой, еще как смог бы! По крайней мере, если не соль, то где у хозяина заначка денежная спрятана, Сеня бы в две секунды определил. И еще много бы разных полезных вещей нашел, о которых владельцы квартиры давно забыли. Нюх у него на то, чтобы полезные вещи находить. Как у меня – на мозговую кость.

Вслух я этого, конечно, не сказал. Во-первых, не поняли бы мои сослуживцы ничего, во-вторых, и сами об этом ничуть не хуже моего знали, а в-третьих, у людей есть вещи, о которых говорить не принято. Так окружили себя условностями, а потом и удивляются, откуда, мол, в мире столько неискренности и скрытности?!. Вот написать о всяких запретных мыслях – можно! Думать, тоже – всегда пожалуйста. А вслух говорить о них не смей. Иначе потом ни в один приличный дом с трехразовым питанием не пустят. А если много будешь о таких вещах говорить, то можешь и у нас оказаться. В смысле не на службе, а в камере! Питание там тоже трехразовое, но есть его нельзя. Им даже крысы брезгают!..

Мои менты ни о трехразовом питании, ни об условностях не говорили. Они просто стояли посреди девственно-густого леса на идеально мощеной дороге и так удивленно смотрели, будто у меня вторая голова выросла. Причем кошачья! Я тоже на себя посмотрел, но никаких видимых изменений не заметил.

И окрас тот же, немецкий, и конечностей прежнее количество, да и не ругаюсь я сам с собой, что означает наличие на теле одной головы и полное отсутствие шизофрении. В общем, всё как обычно, и я вопросительно посмотрел на Сеню, требуя объяснений их навязчивого внимания.

– Да, Сеня. Авторитет у пса ты потерял окончательно, – заявил Жомов. – То ли ты ослабил, то ли Мурзика надо к ветеринару вести. Ты ему три раза «ищи» повторил, а он даже не почесался.

Ах, значит, вам нужно, чтобы я почесался? Натё! Я почешусь. Мне не трудно. Ещё почесаться?.. Ответа на мой немой вопрос не было. Поэтому мне ничего другого не оставалось, как выполнить Сенину команду, которую я не услышал, пока предавался философским размышлениям.

Выполнить, конечно, можно, но как? В чередё незнакомых запахов мой нюх полностью отказался нормально функционировать. То есть работал он так же хорошо, как и раньше, а вот найти знакомые ароматы среди резкого воздуха местных джунглей никак не удавалось. Людьюми здесь не пахло. По крайней мере в том привычном варианте, который мы, российские псы, ощущаем каждый день.

Я потыкался носом в дорогу, в основном только делая вид, что ищю след, а на самом деле пытался найти решение проблемы с направлением движения. Насколько мне было известно, у древних культур Мезоамерики больших городов было немного. Жили аборигены большей частью в небольших поселках сезонного типа. То есть, если я пойду не в ту сторону, то идти до населенного пункта мы будем до морковкина заговенья, за что меня не похвалят. Нужно было срочно что-нибудь придумать, а что именно, понять я пока не мог.

И тут меня вдруг словно током стукнуло. Точно так же, когда я в детские годы попробовал зубами телевизионный штекер в розетку воткнуть. От неожиданности догадки я даже чуть сам себя за хвост не укусил, поражаясь, каким же я был тупицей. Ну, посудите сами, я уже сколько раз во всяких параллельных мирах был, сколько раз всяких параллельных аборигенов нюхал? Ну как я мог забыть, что они всегда пахли иначе? Было в древних людях что-то звериное, дикое и обязательно хищное. Вот этот подзабытый за последнее время запах я и стал искать. И нашел! Ароматом древнего человека тянуло с юго-востока. Едва не гавкнув от своего открытия, я демонстративно фыркнул и спокойно потрусил в нужном направлении.

– А ты говоришь, к ветеринару, – усмехнулся мой Сеня, увидев мой демарш. – Тебя самого, Ваня, нужно к доктору вести. К патологоанатому.

– Это почему? – опешил Жомов.

– А у тебя все признаки разложения налицо, – совершенно спокойно констатировал Рабинович. – Неприятный запах, трупные пятна на костюме и, главное, полная остановка мозговой деятельности.

Попов заржал. точь-в-точь как те лошади, с которыми у него взаимная антипатия. Оmonoвец попытался отвесить Андрюше подзатыльник, но тот успел увернуться и, продолжая хихикать, заспешил вслед за мной. Жомов немного растерянно посмотрел по сторонам, раздумывая, найти ли подходящий ответ на Сенину реплику или догнать криминалиста, решившего в неподходящий момент потешиться над бедой товарища, но к общему знаменателю так и не пришел. А потому, по-русски махнув на всё рукой, отправился за нами следом.

Как выяснилось вскоре, след я взял верно. В том месте, где дорога начинала крутой спуск вниз, мы увидели странного вида субъекта, к тому же еще и непонятно чем занимающегося. Я на пару секунд застыл, рассматривая аборигена. Если у кого-то и были сомнения относительно того, в Мезоамерике мы находимся или нет, то теперь они окончательно рассеялись. Встреченный нами местный житель выглядел точно так же, как индейцы из фильмов про конкистадоров. Наголо бритый и испещренный татуировками, словно эк-рецидивист, в набедренной повязке, кажется, состоящей из одних перьев, и с серьгой в носу. Вот только одно в его внешности не вязалось в моем понимании с индейцами Мезоамерики – широкая, окладистая борода!

Бородатый и татуированный абориген поначалу внимания на нас никакого не обратил. Он ковырялся в каменных плитах, закрывавших дорогу, наполовину скрывшись за непонятной конструкцией, напоминавшей собой щит, только сплетенный из тех же перьев. Плетение было довольно искусное. По крайней мере, узор из разноцветных перьев мне понравился, хотя и выглядел несколько излишне броским для того, чтобы повесить эту штуку у меня в вольере.

Мои менты, довольно переглянувшись, ускорили шаг. И когда до аборигена оставалось не более трех метров, он, наконец, соизволил заметить наше приближение.

– Куда прете?! – заорал он и зачем-то ткнул пальцем в свой пернатый щит. – Не видите, проезд закрыт, ремонтные работы.

– Не понял, – как водится, Жомов повернулся за разъяснениями к Рабиновичу. – А разве он не должен бухнуться нам в ноги и всякие идиотские вопли издавать?

– Это почему? – удивился мой Сеня.

– Так вроде бы они белых людей за богов считать должны, – напомнил криминалисту Иван. – Или я во что-то не въезжаю?

– Андрей?! – переадресовал мой хозяин вопрос Попову.

– Не знаю точно, – немного растерялся эксперт-криминалист. – То, что Кортеса индейцы приняли за вернувшегося Кецалькоатля, это я знаю. А вот в том, что всех белых людей они богами считали, что-то сомневаюсь.

– Ну, я не знаю, какая у них там кефаль в кровати, но уму-разуму это чучело научить придется, – констатировал Ваня, отстегивая дубинку от пояса.

– Не кефаль в кровати, а Кецалькоатль, дуболом, – застонал Попов. – Бог тут такой. Пернатый Змей, если по-нашему.

– Да хоть зеленый змей, мне по фигу! – отрезал Жомов, и не успели мы и глазом моргнуть, как омоновец направился к аборигену.

– Ты, урод исколотый, форму не видишь? – останавливаясь перед довольно рослым бородачом, поинтересовался Ваня. – Цвет кожи тебе ни о чем не говорит?

Татуированный абориген, видимо, не привыкший встречать отпор, от такой наглости омоновца оторопел. Андрюша дернулся вперед и попытался было вмешаться в разгорающийся конфликт, но сначала я поймал его зубами за штанину, а затем и Сеня. Не зубами за штанину, естественно, а рукой за плечо. И правильно сделал. Пусть Жомов сам разбирается. Во-первых, ни одно животное во всех параллельных мирах не имеет права в таком тоне разговаривать с сотрудниками российской милиции. Пусть мы временно в отпуске, но форму с нас никто не снимал. На мне она вообще по жизни надета!

Во-вторых, опять же, поскольку мы в оплаченной турпоездке, то полностью должны получить всё, что входит в прейскурант. Для Вани – отдых на заморских курортах с непременно мордобитием. Ну и в-третьих, Жомов хоть свою силу и не всегда чувствует, но еще не было случая, чтобы он человека просто так поуродовал. Пара-тройка сломанных ребер не в счет. Или, наоборот, в счет входят! В общем, пусть Ваня отдохнет. Ну а если абориген особо задираться не будет, то просто мордой по пыли проедется, и больше с ним ничего плохого не случится. Вот только бородач этого, видимо, не знал.

– Смотри, с кем разговариваешь, мосехуаль! – рявкнул он. – Я Второй помощник третьего подмастерья шестого дорожного зрителя великого тлатоани Чималь-попоке.

– Ну, я не знаю, какой я тебе хуаль и на какой попоке у тебя чималь, но свою хлебрезку ты зря распахивал, – заверил бородача Ваня и почти без замаха стукнул того дубинкой по бритому черепу.

Второй помощник третьего подмастерья и так далее подобного похабства со стороны неизвестных пришельцев явно не ожидал. Клацнув зубами от удивления, он кулем рухнул на те самые каменные плиты дороги, за которыми должен был присматривать. А что? Лежа смотреть за дорогой даже еще удобнее!

Жомов тоже такого поворота событий не ожидал. То есть не ожидал, что наглец, посмевавшийся хамить омоновцу, рухнет вниз с одного удара. Ваня, собиравшийся было стукнуть бородача еще раз, так и застыл с поднятой рукой. А затем, удивленно посмотрев на аборигена, на всякий случай легонечко ткнул его концом дубинки – не притворяется ли? Бородач даже не пошевелился.

– Сеня, ты же сам видел, что я его тихонько стукнул, – повернулся к моему хозяину Жомов. – Он же даже покачнуться не должен был, не то чтобы падать. Может, в этом мире с дубинками опять что-нибудь случилось?

– Убил, что ли? – поинтересовался Рабинович, с олимпийским спокойствием подходя ближе. Жомов нагнулся к неподвижному Второму помощнику.

– Да нет. Дышит вроде, – разогнувшись, пожал плечами Ваня.

– А чего тогда переживаешь? – поинтересовался у друга мой хозяин.

– Да я и не переживаю, – ответил омовец. – Только странно как-то всё.

Мне всё казалось странным еще до того, как мы в Мезоамерике оказались. И в первую очередь, что Оберон со своими дурацкими предложениями именно к нам прицепился. Конечно, наших достоинств я не преуменьшаю – всё-таки побывали мы во многих местах, поработали на славу; вселенную, опять же, спасли – но разве мало других искателей приключений? Вооружи их нашими «демократизаторами» и заставь по параллельным мирам бегать, так дров наломают ничуть не хуже, чем мы. В общем, повелитель эльфов вел себя странно. А вот поведение аборигена как раз странным и не казалось.

Ну, посудите сами, невесть откуда появляются три человека, одетые, по местным меркам, как пугала огородные, проявляют непочтительность аж к самому Второму помощнику и, что хуже всего, начинают драться. От этого у кого хочешь сердце может остановиться! Впрочем, как выяснилось чуть позже, всё было совсем не так.

Несколько секунд трое моих соратников стояли над поверженным аборигеном, задумчиво глядя на него сверху вниз. Первую помощь, конечно, оказывать все трое были обучены, но, судя по глазам, сомневались, стоит ли это делать. Мало ли что придет в голову очнувшемуся бедолаге. Вдруг придется его второй раз по башке лупить? А у него, может быть, врожденный порок сердца или еще какая-нибудь медицинская гадость? Кто отвечать за физические увечья будет?

– Слушайте, мужики, а может быть, это всё подстроено? – вынес робкое предположение Попов и, когда двое других ментов удивленно повернулись к нему, пояснил: – Ну, может быть, это услуги такие. Тебе же, Ваня, обещали, что ты подраться сможешь? Вот для того, чтобы ты ненароком местное население не перебил, им и приказали падать после первого же удара.

– Я тогда прямо с первого раза со всей дури бить и начну, – пообещал омовец и слегка ткнул бородача ногой. – А ну-ка вставай, клоун.

Тот не пошевелился.

– В одном, Ваня, ты прав, – отодвигая Жомова в сторону, согласился с ним мой хозяин. – Чудика этого в чувства привести придется. Дорогу-то к ближайшему городу узнать надо.

Рабинович, как всегда, смотрел в корень. Ну не устаю я поражаться практичности моего Сени. Просто так, видите ли, приводить в чувство человека он не торопится. А вот когда ему от этого человека что-нибудь надо, особенно в целях экономии денег, сил, времени или труда, он и мертвого заставит петь псалмы на собственных похоронах. Полностью подтверждая эту мою формулировку, Рабинович нашел на обочине бурдюк с водой и выплеснул часть содержимого на физиономию аборигена. Тот открыл глаза, и я, как находившийся к ним ближе всего, первым заметил в этих зенках неприкрытый ужас. А абориген, с воплем вскочив на ноги, тут же бухнулся на колени и принялся стучаться лбом о каменное покрытие дороги, прямо возле берцов омовца.

– А ну, стоп! – рявкнул на него Ваня. – Ты что это тут вытворяешь?

– Прости, о великий Мишкоатль! Не узнал тебя сдуру, родимого, – завопил в ответ бородач и с удвоенной энергией принялся стучаться лбом о камень.

– Как ты меня назвал? – оторопел Жомов, не зная, обидеться на психа или просто стукнуть ему дубинкой по башке. Последний раз. И пусть за последствия Оберон отвечает... Такие чувства, по крайней мере, я смог на физиономии омовца разобрать.

– Мишкоатль он тебя назвал, – вместо татуированного безумца ответил Попов. – Некоторые народы Мезоамерики так бога планеты Венера называли. Считалось, что ему подчиняются змеи. Только вот не пойму, ты тут при чем?

– Как при чем, блин, е-мое, туды вас в качель? – не переставая долбиться лбом, завопил абориген. Звук его голоса получился вибрирующим, как с изжеванной безмозглым котом магнитофонной кассеты. – У бога в руках черная змея была, и она меня укусила. Теперь я на четвергом небе, небе Венеры. Только вот не знал я, что у богов кожа такого странного цвета. Почти как выбеленное льняное полотно, прости меня, господи!

– Это не змея, а дубинка, идиот! – обиделся за «демократизатор» Жомов и хотел добавить что-то еще, но мой Сеня одернул его.

– Ты бы лучше помалкивал, Мишкоатль в погонах, – рыкнул Рабинович на омовца. – Тебе разве плохо будет от того, если нас тут богами начнут считать?

– И ничего удивительного в этом нет, – встрял в разговор Андрюша. – У них тут, между прочим, почти каждый правитель после смерти в ранг бога возводится...

– Нет, спасибо! – осадил и его мой Сеня, поглядывая за тем, как реагирует на их разговор коленопреклоненный абориген. – Я уж лучше при жизни богом побуду.

В общем, переубедить испуганного второго помощника в том, что они не боги, мои менты не стали. Всё-таки у нас в этом мире в некотором роде был божественный статус. Если, конечно, считать за таковой карт-бланш, выданный нам Обероном. Правда, такое решение вылилось нам в то, что мы никак не могли поднять с колен перепуганного аборигена. Даже когда Ваня оторвал его от земли и приподнял в воздух, бородач продолжал оставаться в согбенном состоянии и, зависая над дорогой, всё-таки упорно отвешивал поклоны. Пришлось на него гавкнуть от души, и только тогда Второй помощник перестал дергаться и попросил поставить его на землю.

В первую очередь мои соратники узнали, что зовут аборигена Ашайкоатль, после чего я решил, что Мурзик – еще не самое плохое имя на свете. Затем троица храбрых милиционеров попыталась выяснить, какой город находится поблизости и что за прием приготовили им местные жители. Информацию о городе получить оказалось довольно просто. По словам Ашайкоатля, ближе всего к нам находился Теночтитлан, столица империи ацтеков, отчего у Попова мгновенно глаза загорелись, как у кота, завидевшего бесхозную рыбину. А вот дальше возникли проблемы. Бородатый абориген заявил, что никто в Теночтитлане богов не ждет и приема им не готовит. Более того, прямо тут, совсем неподалеку, проходят боевые действия, в связи с которыми все дороги для штатских лиц закрыты.

– Учения, что ли? – Теперь глаза загорелись у Жомова.

– Нет. Обычная война, – покачал головой Ашайкоатль. – Ольмеки бунт подняли. Подавляем потихоньку. Через пару дней закончим, и снова дороги открыты будут. А за это время мы на них косметический ремонт успеем сделать.

– Интересные у вас тут порядки, – хмыкнул мой Сеня и посмотрел на нашего эксперта. – Андрюша, ты что-нибудь про такое слышал?

– Нет, – немного смутился Попов. – Правда, я не так много про ацтеков и читал. К тому же, мир тут параллельный. Может быть, существуют какие-то несоответствия...

– Да ладно тебе оправдываться, – оборвал друга Жомов и посмотрел на бородача. – И далеко отсюда военные действия идут?

– Пару часов пешим ходом, – ответил тот. – Если, конечно, вы никуда не торопитесь.

– Торопимся, блин. А то еще войну без нас закончат, – заверил Ашайкоатля омовец и собрался идти на фронт. Однако мой Сеня с Ваниными желаниями был в корне не согласен.

– Прежде чем идти на войну, – заявил он, – нужно сначала с местом жительства определиться!

Попов, разумеется, с этим совершенно согласился и от себя добавил, что неплохо бы и поскорее пообедать, но Жомов был непреклонен. Ну просто сгорал от желания побыстрее попасть на местную войну! Честное слово, впервые на моей памяти все трое друзей оказались на грани того, чтобы серьезно поругаться. И неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не выяснилось, что для того, чтобы попасть и к городу, и к месту боевых действий, нужно было идти одной дорогой. Правда, до второго путь был несколько ближе, чем до первого!

Таким образом, конфликт оказался улажен. Единогласно было решено сначала навестить поле битвы, с обязательным осмотром панорамы сражения и выборочным участием в таковом, а уж затем продолжить двигаться в Теночтитлан. Придя к такому мнению и позабыв о существовании Ашайкоатля, мы дружно пошли в том направлении, которое несколько минут назад указал нам этот абориген.

Честно говоря, я был не в восторге от визита в этот мир. И жарко тут, хоть из шкуры выпрыгивай, и народ бескультурный живет – я слышал, они даже людоедством в открытую занимаются, – да и имена с названиями мест такие, что язык сломаешь, пока выговоришь. Была бы моя воля, снова бы отправился куда-нибудь в Древнюю Грецию, но у людей почему-то не принято мнениями псов интересоваться. А зря! Могли бы многих неприятностей избежать, если бы к нам, куда более разумным существам, хотя бы изредка прислушивались.

Вот и сейчас, например, кто из моих сослуживцев о способе возвращения домой подумал? Идут себе, потеют, как три белых медведя в Сахаре, и о грядущих удовольствиях мечтают, а о главном даже и не печалются! Конечно, я понимаю, что отпуск для того и существует, чтобы забыть о том, что снова на работу надо идти, и уж в первый день турпоездки о возвращении к серым будням думать не принято. Но во время обычных отпусков каждый знает, где билет до дома можно купить. А у нас? Ни тебе мерлиновских эликсиров, ни Лориэля, опять же, не видать.

Конечно, я понимаю, что у эльфов сейчас своих трудностей навалом, но это у эльфов. У моих ментов проблем вроде бы нет, но почему никто из них у Оберона даже и не спросил, когда он нас обратно возвращать планирует? Логично было бы предположить, что это произойдет через две недели, когда эльфы МП-переходы в порядок приведут. А вдруг позже? Да я помру тут от скуки за такое время! Если, конечно, чего-нибудь экстраординарного не случится...

Вот с такими мыслями я и плелся в хвосте процессии, краем уха слушая, что Попов рассказывал друзьям о Мезоамерике вообще и об империи ацтеков, где мы, судя по всему, оказались, в частности. Вот уж не буду вам в подробностях пересказывать всё, что Андрюша за полтора часа наговорил – сами найдете информацию, если заинтересуетесь, – но сжато в курс дела вас всё же введу.

Итак, ацтеки сначала были жутко диким и отсталым племенем, вроде групп неорганизованных фанатов заезжей команды на футбольном матче. Рассядутся по всем трибунам и начинают мелкие безобразия учинять. За такими глаз да глаз нужен, иначе жди беды. Больше всех нам эти дикие болельщики хлопот на футбольных матчах доставляют. И в места, где эти неорганизованные находятся, обычно лучших сотрудников милицейское начальство ставит службу нести. Нас с Сеней, например. А вот у народов Мезоамерики либо таких, как мы, не оказалось, либо начальник милиции никудышный был!

В общем, кочевали себе ацтеки по северным окраинам цивилизованного мира Мезоамерики, и никто на них внимания не обращал. Да и кому они могли быть интересны, если находились от прочих мезоамериканцев на таком же далеком техническом уровне, как сейчас какое-нибудь дикое племя африканских пигмеев – от среднестатистической европейской страны. А потом случилось несчастье – забеременела уборщица одного захудалого храма.

И хотя, судя по дальнейшим словам Андрюши, делала она это уже не в первый раз, согласитесь, событие приключилось экстраординарное. Я знаю лишь одну уборщицу – тетю Клаву из нашего отдела, жутко боевую бабу, этакий танк со шваброй (я о ней вам уже рассказывал) –

и представить себе ее беременной просто не могу. Нет, я, конечно, понимаю, что теоретически тетя Клава женщина, а следовательно, оцeniться... тьфу ты!.. приносить потомство может. Но вот беременной быть – не может, и всё тут...

Так вот, эта уборщица из храма – Коатликуэ (почти тетя Клава) – забеременела. Причем совершенно необычным способом: увидела, что с потолка падает странное перо, пошла его искать, не нашла и поняла, что скоро родит. Вот и представьте, что от такого зачатия у такой уборщицы появиться на свет может?! Оно и появилось. И назвали данное существо Уицилопочтли. Да уж, и как Попов только все эти имена запомнить умудряется!

Но родилось это существо позже. А сначала старшая дочка уборщицы узнала об этом и побежала жаловаться своим братьям. Дескать, маманя несколько лет как вдова, а тут рожать надумала, пришибить такую особу надо к котам драным!

Конечно, вам подобные меры прерывания беременности покажутся дикими, но что еще ждать от детей такой уборщицы?..

Коатликуэ о своей участи догадывалась и осталась в храме, начав приготовления к собственной смерти. Если честно, я думаю, что Попов тут врет! Ну не могу я представить себе такую, как наша тетя Клава, уборщицу, спокойно дожидавшуюся, пока ее кто-нибудь пришибет. Скорее всего, эта Коатликуэ готовила в храме засаду на собственных деток. А один из них – Куауитликак – догадался о мамочкиных замыслах и, чтобы не попасть ей под горячую руку, побежал и сдал братьев с сестренкой, рассказав, как именно они храм штурмовать будут. И прямо перед началом штурма уборщица разродилась от бремени. Оценилась то есть...

Обычно, насколько мне известно, людские самки вынашивают детенышей девять месяцев. Может быть, конечно, ацтеки – не люди, но судя по тому аборигену, которого я уже видел сегодня, это вряд ли. Я так думаю, что Коатликуэ девять месяцев спокойно выдерживала осаду, а когда вынуждена была заняться другими делами, родами то есть, ее старшие детки и ворвались в храм.

Попов не сказал, чем именно в это время занимался Куауитликак – в туалете, что ли, сидел? – но защищать мамашу он не стал. Вместо него в бой пошло именно то, что родилось от уборщицы. Уицилопочтли то есть. Вот так, родился, сразу встал на ноги, надел боевой доспех и, схватив за хвост первую попавшуюся под руки змею, бросился этим гадом ползучим дубасить своих старших братцев. Похоже, Уицилопочтли оказался крутым мужиком. Змеей, которая еще и умудрилась загореться, отрубил голову своей сестренке и гонял по округе братишек до тех пор, пока не перебил всех. А затем плюнул на мамашу и решил, что стать богом солнца куда интереснее, чем быть сыном уборщицы. Вакантное место в пантеоне ацтеков оказалось свободно, и Уицилопочтли его оккупировал. А заодно и назвал себя богом войны. Ну а поскольку драться с придурком, размахивающим горящей змеей, никто не хотел, оспаривать вторую должность Уицилопочтли желающих не нашлось.

Данный индивидуум, заняв сразу две должности в пантеоне, решил, что хватит, настрадались. Дескать, боги других мезоамериканцев хорошо живут, богатые приношения получают, а мы отлучены от благ цивилизации. А если учесть, что кроме как драться новорожденный ничего не умел, Уицилопочтли решил этот порядок изменить военными методами. Он явился ацтекам и сказал, что отныне только они отвечают за существование солнца. И тот, кто скажет, что это не так, получит по зубам! И чтобы доказать это утверждение, врезал по морде ни в чем не повинному тольтеку, совершенно случайно оказавшемуся на этом сборище.

Ацтекам это понравилось, и, пока каждый из них не врезал по морде бедному тольтеку, общее собрание под председательством бога солнца и войны закончить они отказались. Ну а затем и вовсе вошли во вкус. Сразу после сборища, похватав копья, дубины и обсидиановые мечи, ринулись устраивать в городе свои порядки. То есть встречали случайного прохожего, спрашивали, кто является богом солнца и войны и, получив неправильный ответ, зверски избивали.

Конечно, не все ацтеки занялись беспределом. Были среди них и такие, которые говорили, что и чужие боги, вроде Кецалькоатля, имеют право на существование. Но этих пацифистов слушать никто не стал. Избить их, конечно, не избили, но тухлыми кактусами закидали. А затем запретили упоминать имя Кецалькоатля всеу, в молитвах и в избирательных программах. Оппозиционеры вынуждены были смириться, а остальные пошли воевать.

Правда, первый блин вышел комом. Поскольку этот сброд вел в бой новорожденный, ни фи́га не имеющий представления о тактике и стратегии, ацтеки тут же были наголову разгромлены текпанеками и высланы в Тмутаракань. Почитатели Уицилопочтли приуныли, но он раскинул мозгами и решил, что хорошо воевать можно научиться, устроившись к кому-нибудь наемниками, и послал всех служить в армию текпанеков, только что разгромивших его войско. Ну а когда Уицилопочтли и земные военачальники ацтеков набрались воинской премудрости, то поперли воевать самостоятельно и захватили почти всю Мезоамерику.

Конечно, в перерыве между этими двумя событиями с ацтеками произошло еще множество событий, но рассказывать о них я не буду. Суть их истории, по-моему, и так ясна, а тому, кому интересны подробности, советую обратиться к Попову или в ближайшую к месту жительства библиотеку. Я и так уже почти язык сломал, одни только имена этого народа называя, а если еще начну вам захваченные города перечислять, вовсе свихнусь. Согласитесь, читать записки свихнувшегося пса вам будет не очень интересно. Поэтому оставим историю ацтеков в покое. Хотя бы на время. Тем более что вся наша компания, в том числе увлекшийся рассказом Попов, вышли на открытое место.

Впереди, метрах в пятистах от нас, была видна неширокая река. Дорога доходила до берега, затем перебиралась на другую сторону речки по навесному мосту, судя по всему, сделанному из лиан, а затем уходила вдаль, где за широкими обработанными полями виднелся город. Ну а на этом берегу реки, к которому мы и вышли, наблюдалась толпа людей, удивительно похожих на недавно встреченного нами Ашайкоатля. Вот только одеты они были немного приличнее. По крайней мере часть толпы была облачена в довольно свободного покроя балахоны и штаны. Жомов, застывший в центре нашей компании, поднес ладонь ко лбу, прикрываясь от солнца, и хмыкнул.

– Похоже, это именно та армия, о которой нам тот чудик говорил, – произнес он, явно имея в виду под «чудиком» Ашайкоатля. – Вот только не пойму отсюда, они уже битву закончили или еще не начинали?

– Ну так сейчас подойдем и спросим, – пожал плечами мой Сеня.

– А может быть, подождем? – произнес осторожный Андрюша. – Кто знает, как они к нашим костюмам отнесутся...

– А так и отнесутся, как положено к милицейской форме относиться, – отрезал омоновец и, не дожидаясь остальных, широкими шагами направился к ацтекскому войску.

Глава 4

Не люблю жареной телятины!
Ганнибал Лектор

На берегу реки действительно стояло войско ацтеков.

Точнее, не всё войско, а лишь его небольшая часть – тысячи две вооруженных копьями, дротиками и деревянными мечами с обсидиановой кромкой воинов. Как вскоре выяснилось, это была не регулярная часть, а городское ополчение, призванное для того, чтобы держать мост до тех пор, пока регулярные войска гоняют по окрестностям мятежников. Ополченцы и держали навесной мост. Причем на своих плечах, поскольку какой-то шайке хулиганов приспичило перерубить крепления на этом берегу. Ну а пока треть войска держала мост, еще треть пыталась его починить, остальные ополченцы готовили ужин. И судя по запаху, в основном он состоял из жареного мяса, о чем Попова тут же оповестил его вечно голодный желудок.

В отличие от Ашайкоатля, ковчегившегося в дорожном покрытии, а оттого и не смотревшего по сторонам, троих милиционеров с псом заметили сразу, как только те показались на опушке леса. Всё-таки хоть перед рекой лагерем и стояло ополчение, а не регулярная часть, армейские порядки они, как могли, соблюдали и дозоры выставить удосужились. Путешественники увидели, как в лагере поднялся переполох и большая часть воинов, исключая тех, кто держал на своих плечах край подвесного моста, принялись выстраиваться в боевые порядки.

Попову эти действия аборигенов крайне не понравились. Он хоть и был не робкого десятка и уже противостоял, вместе с друзьями, разумеется, крупным воинским подразделениям, однако не думал, что отпуск хорошо начинать с драки. Тем более если против троих милиционеров – и Мурзика, конечно! – прет пара тысяч озверелых дикарей. Андрюша попытался было образумить друзей, но те, не обратив ни малейшего внимания на увещевания криминалиста, нагло пошли прямо на толпу, поскольку оба были абсолютно уверены в собственной безнаказанности.

– Андрюха, кончай тут соплю по дороге размазывать, – с усмешкой сказал ему омоновец. – Чего ты боишься? Оберон же сказал, что можем отдыхать на всю катушку. А значит, ничего нам эти дикари не сделают, блин. Ну а если попробуют, я парочку десятков этих чучел быстро из солдат в землепашцев перекалфицирую. Будут своими носами местные поля возделывать.

– Ванечка, если ты заметил, людей тут несколько больше, чем пара десятков, – язвительно заявил криминалист. – Думаешь, остальные будут стоять и своей очереди к тебе на раздачу дожидаться?

– А ты у нас на что? – удивился Иван. – Рывкнешь на них разок, сразу все и полягут. А тем, кто самостоятельно улечься не захочет, мы с Сеней поможем. Точно, Рабин?

– Точно, Жом. Только, если начнешь и дальше в общении с нормальными людьми клички употреблять, я тебя так по затылку дубинкой шандарахну, что забудешь, в какой именно части света ты находишься, – пообещал другу Рабинович.

– А в какой части света я нахожусь? – сделал круглые глаза Жомов и, увидев, как перекосилось лицо кинолога, заржал. – Да пошутил я. Мы в Мезоамерике, а она – между Африкой и Европой. Верно?

Рабинович застонал, но разьяснить омоновцу их теперешнее местоположение желания не изъявил. За это дело взялся Попов, но Ваня на него тут же обиделся, заявив, что оба его друга в одночасье стали идиотами и совсем перестали понимать шутки. Жомов потребовал, чтобы кинолог с экспертом, сами круглые дураки, его за идиота бы не принимали. В гневной тираде, содержащей в себе необычно много для омоновца слов, Ваня заклеил позо-

ром подобные отношения среди друзей, заставив своим красноречием даже Мурзика застыть с отвисшей челюстью. И неизвестно, какие бы еще новые качества кроме умения связно говорить открыли бы в Жомове сослуживцы, если бы к ним на выручку не подоспел небольшой отряд аборигенов. Все они, за исключением одного, выглядели точно так же, как встреченный ранее Ашайкоатль, только без бород. Последний, или первый, кому как нравится, абориген в группе был как раз бородат, но одет не в набедренную повязку, украшенную перьями, а в белую куртку без рукавов и такие же светлые штаны.

– Кто такие? Куда идем? Предъявите документы! – с ходу потребовал ацтек в белоснежных одеждах, видимо, являющийся командиром этой группы солдат. Остальные, так же с ходу, оцетинились копьями, нацелив их в грудь путешественникам.

– Сеня, тебе это наглостью не кажется? – поинтересовался Жомов, прерывая свой беспрецедентный монолог.

– Твоя болтовня?.. Нет, – прикинулся дурачком кинолог. – Говори, сколько хочешь. Очень даже интересно проверить, насколько велик твой словарный запас.

– Хватит придуриваться, блин! – обиделся Ваня. – Я тебя спрашиваю, тебе не кажется, что эти уроды обнаглели, раз у милиционеров документы предъявить требуют? Мне их изуродовать, или ты сначала культурно поговоришь?

Аборигены, наблюдавшие за этим диалогом с явным непониманием и нетерпением, недоумевали, почему это странные незнакомцы не только игнорируют требование их командира, но и, находясь без оружия, явно не боятся вооруженного отряда. Начальник ополченцев набрал в грудь воздуха, явно собираясь рявкнуть на непрошенных гостей как следует, но его опередил Попов.

– Какого хрена, мать вашу, вы смеете к нам с вопросами приставать?! – истошно завопил он.

Вопль, как всегда, вышел на славу. Командиру отряда, пытавшемуся глубоко вдохнуть, ударной звуковой волной Андрюшиного крика загнало в грудь столько воздуха, что было удивительно, как он не взлетел подобно воздушному шарик. Тех ацтеков, что пришли вместе с ним, разметало в разные стороны, лишив во время вынужденного полета их жалкого гардероба. И те, кто после вопля Попова сумели подняться на ноги, тут же помчались в разные стороны, истошно вопя и стараясь прикрыть срам ладошками.

Пострадали не только они. Поскольку криминалист стоял посредине дороги и смотрел в сторону моста, звуковая волна, без труда разметав дозорный отряд, докатилась и до реки. Первые ряды аборигенов, удерживавших мост, рухнули как подкошенные. Остальные, не в силах удержать вес переправы на своих плечах, отскочили в сторону, дав возможность мосту обрушиться вниз. Начатый ремонт так безвременно и закончился. Чему особенно огорчилась местная рыба, у которой падение моста в реку вызвало легкую контузию. Рыба всплыла вверх брюхом, выразив таким образом протест человеческому произволу.

– Андрюша, я, конечно, понимаю твое стремление помочь в решении конфликта, – после того, как смог прочистить заложенные уши, спокойно начал говорить Рабинович и вдруг взорвался: – Но какого хрена нужно было так орать!

– Сам не ори, – обиженно буркнул Попов и кивнул в сторону тех вояк, которые еще не смогли встать с грунта. – Посмотри на них.

– И что я там должен увидеть? – едва сдерживаясь, поинтересовался Сеня.

– Объясню, раз ты сам поглупел, – рассудительно ответил эксперт. – Ты где-нибудь на этих людях металлические доспехи видишь?.. У них даже щиты из черепахового панциря. Тут в случае конфликта наши дубинки ни фиги бы негодились. А теперь, глядишь, они с нами по-другому разговаривать начнут.

– Ты посмотри, какой умный, – буркнул Рабинович, явно расстроенный тем, что не он, а криминалист рассмотрел столь важную деталь экипировки ацтеков. – Только всё равно предупредить нужно, когда орать собираешься. У нас на ушах бронезилетов нет.

Науке неизвестно, помогли бы бронезилеты на ушах остановить звуковую волну Попова или нет, но поверженному Андрюшей командиру отряда хоть какая-нибудь защита в области дыхательных путей точно не помешала бы. Когда абориген сумел, наконец, выпустить весь воздух, загнанный внутрь звуковой волной, подняться на ноги он уже не мог. Пришлось российским милиционерам помогать ему. Так сказать, выполнять ту часть своего долга, в которой говорится о защите гражданского населения.

– Что ты будешь делать, опять, третий раз за день, боги к нам нагрянули, – тяжело дыша, обреченно пробормотал командир. – Что сегодня, день пришествия, что ли?

– Не понял? – удивился Рабинович. – А что, боги у вас вот так вот запросто появляются?

– Ну почему запросто? – удивился ацтек. – Сапотекский Питаосих, бог бедности и неудач, сегодня был, так, гад, наличность у всех умудрился стащить, хотя и близко к лагерю не подходил. После него тольтекский Кукулькан пробежал, такой ветер поднял, что половину каноэ на реке утопили и только что отремонтированный мост обвалился. Вы вот пришли и тоже безобразия учинили. Вам, богам, что, сегодня заняться нечем? Друг с другом поладить не можете, вот на людях зло и срываете?..

– Подожди, подожди! – остановил его Попов. – То есть ты хочешь сказать, что боги у вас тут на людях часто появляются?

– До последнего времени такого никогда не случалось, – всё еще находясь в прострации, ответил абориген. – Конечно, единичные случаи бывали, раз в пятьдесят лет, скажем. Но обычно вы, боги, только со жрецами и общаетесь. Не знаю, что на вас нашло теперь. Скучно на небесах стало? А кстати, вы чьи боги будете? Я о многих знаю, но по описанию вы ни под одних не подходите.

– Да мы так, маленькие божки. О нас даже сами боги не всё знают, что уж о людях говорить! – прежде чем кто-нибудь успел открыть рот, заявил Рабинович. – Ты иди в лагерь, скажи, чтобы нам какое-нибудь маленькое пиршество организовали, а мы пока тут посоветуемся и решим, наказывать вас еще за такое непочтительное отношение к нам или того, что случилось, уже хватит. Ясно?

– Ой, давайте только обойдемся без наказаний, – устало вздохнул командир. – Будет вам пиршество, будет вам торжественная встреча, будут и дары. Только не мешайте мост чинить, а то явится сюда Чимальпоке с основным войском до того, как мы ремонт закончим, так никому не поздоровится. И не думайте, что вы спасетесь. Чимальпоке с Уицилопочтли на короткой ноге...

Что-то в том же духе продолжая ворчать себе под нос, командир дозорного отряда поплелся назад к лагерю, по дороге пинками поднимая с земли своих солдат. Сеня, сделав рукой знак, призывающий друзей воздержаться от вопросов, несколько секунд смотрел ему вслед. А когда абориген удалился на достаточно большое расстояние, повернулся к Жомову с Поповым.

– Что-то я не понял, – недоуменно произнес омовец, едва Рабинович перестал смотреть вслед ушедшему командиру ацтеков. – Ты когда про совещание говорил, цену нам набивал, что ли?

– Ты тоже так думаешь? – вместо ответа спросил кинолог у Андрюши.

– Интересный мир. Боги прямо среди людей открыто появляются, – видимо, продолжая невысказанные раздумья, пробормотал эксперт, а затем встрепенулся: – А? Что? О чем ты говорил?

– О своем, о женском – о комбайнах, – фыркнул Сеня. – У тебя, Андрюша, кроме как на восторги по этому миру, мозговые ресурсы еще для чего-нибудь остались? Как считаешь, есть нам что обсудить или можно в ацтекский лагерь идти на пиршество?

– А чего на голодный желудок обсуждать? – удивился Попов. – Вот поедим, тогда и думать нормально сможем.

– Сытое брюхо к учению глухо. Но Попу на всё плевать, лишь бы было что пожрать, – констатировал кинолог. – Андрюша, тебе ничего подозрительным не кажется?

– Ты о чем? – вместо задумавшегося эксперта спросил Жомов.

– А о том! – ответил Рабинович, глядя на друзей, как учительница на нашкодивших второклашек. – Посудите сами. Появляется Лориэль и соблазняет нас халявным отпуском с возвращением обратно в тот же день, из которого мы отбыли. По прибытии в Эльфабад этот шкодливый эльф исчезает, а мы узнаем, что мир Оберона здорово расширяется и у них возникли проблемы с МП-переходами. Нас забрасывают сюда, и тут мы узнаем, что боги этого мира походили с ума и шляются среди людей, словно у себя в апартаментах.

– Ну и что? – пожал плечами Попов. – Может быть, Оберон специально всё организовал, чтобы нам веселее было?

– А может быть, всё это подстава? И нас опять втянули в какую-то авантюру, – высказал предположение кинолог.

– Да брось ты, Сеня, ерунду нести! – встрял в разговор омоновец. – У тебя от общения с эльфами простата началась...

– Что-о-о? – взревел Рабинович, а Андрюша тоненько захихикал.

– Ну эта... Когда человек всего бояться начинает, – растерялся Жомов.

– Эта, когда человек всего бояться начинает, называется паранойя, – раздраженно поправил друга кинолог. – Простата – это нечто другое, прямого отношения к психическому состоянию человека не имеющее...

– Ну и хрен с ней! – махнул рукой Ваня. – Я тебе говорю, что подставы никакой нет. Ну, скажи, откуда Оберону было знать, что мы в Мезоамерику соберемся?

Этот вопрос и в самом деле поставил Рабиновича в тупик. Конечно, Лориэль мог видеть лежавшие на столе фотографии древних ценностей, которые Попов сделал у себя в лаборатории, но это ни о чем не говорило. Если Оберон действительно планировал подставить милиционеров, то должен был готовить эту операцию давно. А до вчерашнего дня о культуре Мезоамерики, кроме Попова, никто даже и не думал. И уж точно, обсуждать возможность поездки в этот регион и это время менты и не пытались. Да и сам Андрюша начал думать о посещении ацтеков вместо мира-аквариума только после прибытия в Эльфабад. Вот и получалось, что участия в выборе милиционерами конкретного места для отдыха Оберон принимать не мог. И всё же данные рассуждения подозрительности у Сени ничуть не убавили.

– А почему вы решили, что именно наш визит в Мезоамерику подстава? – с жаром накинулся он на друзей. – Может быть, у Оберона неприятности во всех мирах начались, и ему всё равно, в каком именно мы начнем наводить порядок?

– Сеня, ты действительно что-то слишком всё выворачиваешь, – улыбнулся, как доктор больному, Попов. – В нашем-то мире всё нормально? Боги по улицам не бегают? Да и в Эльфабаде ничего страшного не происходит. Тебе же сказал этот тролль, что расширение мира – дело обычное. Давай не искать проблему на пустом месте, а просто будем отдыхать. Тем более к нам новая делегация идет.

Попов махнул рукой в сторону воинского лагеря ацтекских ополченцев, и Сеня вынужден был обернуться в указанном направлении и прервать дискуссию, поскольку шедшая к ним делегация была уже слишком близко. В этот раз обычных воинов в юбочках из перьев среди аборигенов не было. Все до единого подошедшие к милиционерам ацтеки были одеты в белые костюмы. Некоторые несли на головах странные уборы из перьев, у других перья были нашиты

на одежду, ну а третьи, видимо, беднее и ниже рангом, украшениями снабжены не были, как и командир дозорного отряда, наголову разбитого криком Попова. Остановившись в некотором отдалении от путешественников, аборигены встали в позы, выражавшие почтительность и внимание.

– Ну что, к пиршеству готовы? – поинтересовался Рабинович, дав себе слово в ближайшем времени продолжить с друзьями обсуждение своих подозрений.

– Позвольте выразить вам свое почтение, славные и великие боги, и принести вам этот скромный дар, – выступил вперед один из ацтеков. Видимо, сам командир ополчения. – Надеюсь, он прекрасно отразит наше безмерное уважение вашей божественной сущности.

Рабинович, взяв на себя роль начальника отряда богов, пошел навстречу аборигену, пытаясь понять, что именно он держит в руках. Подойдя ближе, Сеня понял, что это какая-то шляпа, сделанная из тщательно переплетенных перьев, с огромным разноцветным плюмажем. Осознав, что в руках ацтека больше ничего нет, Рабинович взял шляпу и заглянул внутрь ее. Затем повертел из стороны в сторону, явно чему-то удивляясь, а после этого завопил:

– И на хрена мне этот мусор нужен? Золото и драгоценные камни где, я вас спрашиваю?!

– Этот мусор является высшим знаком отличия воинства Орла, служащего Кецалькоатлю, – терпеливо и покорно пояснил абориген. – Впрочем, если вы принадлежите к окружению Тонакатекутли, мы можем подарить вам накидку из шкуры ягуара. А золота и драгоценных камней у нас нет. Питаосих сегодня был и всех ограбил.

Сене осталось только горестно вздохнуть. Судя по всему, новое путешествие милиционеров по параллельным мирам начиналось не так радостно, как на это рассчитывал кинолог. Он мысленно пообещал набить морду этому вороватому Питаосиху, а потом, поскольку ничего другого не оставалось, согласился принять в дар пернатую шляпу. Всё-таки шкура ягуара, может быть, и ценней, но таскать ее с собой по такой жаре было бы накладно. Ну а кроме того, Рабиновича не покидала надежда получения хорошей наживы в этом полумистическом мире.

– Ладно. Принимаем ваш дар с благодарностью и надеемся, что пиршество будет более впечатляющим, – с угрозой в голосе проговорил Сеня и оказался как нельзя более прав. Пиршество путешественников впечатлило!..

По дороге к лагерю войска аборигенов Рабинович немного успокоился и перестал смотреть волком на ацтеков, не удосужившихся припрятать от Питаосиха пару-тройку килограммов драгоценных камней, чтобы с покорностью и восхвалениями принести их в дар новым гостям. Он даже затеял с главой делегации аборигенов, Ачитометлем, крайне содержательный разговор о местных рынках, ценах на кукурузу и облигации Сбербанка СССР 1936 года выпуска. Собирался расспросить и о том, каким образом боги различных народов умудряются уживаться в местном пантеоне, но вовремя вспомнил, что сам вроде бы считается здесь божеством, хотя и мелким, и от вопросов о своих «коллегах» воздержался.

Хотя войско ацтеков, к которому подошли путешественники, и состояло из ополченцев, торжественным встречам богов их обучили тщательно, надо полагать, в первую очередь. Довольно стройные ряды аборигенов при приближении гостей дружно взмахнули копьями и щитами, трижды выкрикнув «Слава!». Ну а поскольку имен новых богов солдаты не знали, то, указывая, кого именно восхваляют, добавляли краткое и емкое «богу!». Получилось: «Слава богу!» И после этого только Ваня Жомов поинтересовался, отчего это вдруг аборигены почувствовали облегчение. Дескать, рано им расслабляться, он еще проверку строевой подготовки не проводил.

– Ждут Фому – чают быть уму. А Ивана принесло – всем достанется в мурло, – констатировал Рабинович, и омоновец так и не сообразил, обидеться на это утверждение, или, наоборот, назвать Сеню самым что ни на есть сукиным сыном.

Впрочем, на долгие раздумья времени у Жомова не осталось. Едва троица друзей в сопровождении военачальников подошла к строю аборигенов, как те расступились в стороны, открывая проход к отделанному перьями шатру и кострам возле него, в углях которых запекались какие-то туши. Ветер с реки донес до путешественников аромат жареного мяса и тушеной кукурузы. Андрюша шумно втянул носом воздух, наслаждаясь ароматом, и его бездонный желудок тут же откликнулся глухим рычанием. Дескать, и долго я еще пустовать буду?! Сеня покосился на криминалиста и хотел что-то съязвить по поводу болтливости поповского живота, но в этот момент его собственный желудок тоже выдал вдруг потрясающее соло, и Рабиновичу пришлось оставить всю невыплеснутую желчь в себе. Но ненадолго! Едва кинолог увидел, что именно запекается в углях, желчь и всё остальное, что было внутри его организма, запросилось наружу.

– Не понял! Это что, блин, такое? – спросил Жомов, пока Рабинович усердно боролся с тошнотой. – Вы не охренели тут?!

Возмущаться омоновцу было с чего. В костре, прямо перед ним, жарилось освежеванное безголовое тело человека. Рабинович бы, конечно, мог отметить, что со своим уставом в чужой монастырь не лезут и что тела поверженных врагов хоронить не стоит, чтобы мясо даром не пропадало, но ничего такого говорить он не стал. И не только оттого, что испытывал к каннибализму стойкое отвращение, но и потому, что пришел в бешенство лишь от одной мысли о том, что кому-то взбрело в голову угостить российских милиционеров свежими трупами! Медленно поворачиваясь к Ачитометлю, Сеня стал отстегивать от пояса резиновую дубинку.

– Вы же сами просили пиршество, вот мы и даем вам самое свежее мясо, которое есть, – не обратив на манипуляции Рабиновича внимания, ответил на Ванин вопрос предводитель индейцев.

– Вот я и спрашиваю, а не охренели ли вы, чтобы нас человечинной кормить? – задал новый вопрос омоновец, так же, как Рабинович, нащупывая рукой верное боевое оружие милиционера. Теперь пришло время Ачитометлю оторопеть.

– Какая человечина? – вытаращился он. – Вы там, в пантеоне, на небесах своих совсем одурели уже? Нас за дикарей считаете? Это же обычная телятина.

– Это ты нас, похоже, за дураков держишь, – прорычал Сеня, тыча дубинкой в сторону костра. – По-твоему, та туша на быка похожа?

– Так вы о форме? А я о содержании, – восхитился командир ополченцев. – Правда, здорово похоже? Мы же должны свое реноме среди остальных племен поддерживать. Вот для того, чтобы нас все боялись, мы из различных частей звериных туш и создаем подобие человека, а потом едим.

– Ну ты про подобия будешь какому-нибудь зеленому практиканту заливать! – заявил Жомов и, прекращая дискуссию, врезал Ачитометлю дубинкой по голове.

Может быть, шикарный головной убор из перьев и смягчил бы удар омоновца, но на беду аборигена это украшение крепилось вокруг золотого обруча. Вот по этому обручу и пришелся удар дубинки. Если бы Жомов бил сверху вниз, быть аборигену вбитым в землю минимум по пояс. А так как удар шел с боку, Ачитометля просто оторвало от земли и закинуло куда-то за спины оторопевших солдат. Ну а дальше остановить Жомова было трудно. Разъярившись на людоедов, нагло и откровенно попиравших Уголовный кодекс России, Ваня пошел махать «демократизатором» направо и налево, сея в рядах ацтеков хаос и разрушения. Причем первое хорошо укоренялось среди солдат, а последнее – в их оружии, поскольку дубинка Жомова, соприкасаясь с металлическими наконечниками направленных на него копий, либо крушила их в щепки, либо выбивала из рук владельцев и отправляла в свободный полет. Ни Рабинович, ни Попов, почти полностью поверившие в объяснения Ачитометля относительно здешнего «людоедства», сразу остановить Ваню не успели, а потом уже было поздно. Побежавшие в разные стороны солдаты, поначалу испугавшиеся гнева богов, увидев, что те ни молниями

их не жгут, ни полчища змей не напускают, быстро пришли в себя. Сомкнув строй, ацтекские ополченцы стеной двинулись на врага, намереваясь задавить численностью. Сене с Андрюшей пришлось прийти на выручку другу. Но как они ни старались, большого физического урона противнику нанести не смогли. Сломанные или выбитые копья ацтеки тут же заменяли, получая новое оружие из задних рядов. Ну а Мурзик и вовсе ничего против плотной стены копий сделать не мог. И через пару минут неравной битвы российские милиционеры оказались прижаты к пернатому шатру и почти полностью окружены.

– Андрюша, сделай же что-нибудь! – потребовал от криминалиста Рабинович, старательно отбивая направленные в грудь копья.

Попов заорал. Конечно, коридор среди врагов он проделал немалый, но аборигены вмиг заполнили его, не желая выпускать ментов из окружения. Андрей попробовал повторить акустическую атаку снова, но эффект был тот же. Конечно, часть врагов была контужена, но ацтеков было всё равно слишком много, чтобы одного Попова хватило для победы над ними.

– Да чтобы вам на головы что-нибудь свалилось! – раздосадованно пожелал криминалист, и чудо случилось. Точнее – свалилось. Но вот только не на головы аборигенов, а прямо в центр пернатого шатра, около которого держали оборону милиционеры.

– Ну, Поп, ты, как обычно, ничего нормально сделать не можешь, – заявил Рабинович и тут же поперхнулся, поскольку на него из-под разрушенного шатра уставилась зеленая драконья морда.

– Привет. Рад вас видеть. Развлекаемся? – вежливо поинтересовалась данная часть существа, именуемого Ахтармерз Гварнарытус или, если попросту, Горыныч. – Я так и знал, что у вас тут весело.

– Горыныч, блин, сделай хоть ты что-нибудь! – тут же потребовал от бывшего соратника Сеня.

– Ну почему все существа гуманоидного типа такие невоспитанные? – удивился трехглавый дракон. – Могли бы хоть поздороваться и сказать, что соскучились по мне, что рады встрече. Делами моими и успеваемостью поинтересоваться, опять же...

– Слушай, если ты сейчас не вмешешься, аспид ползучий, то просто некому будет твоими делами интересоваться, – рявкнул Рабинович, едва отразив одновременный удар сразу нескольких копий. – Быстрее, ящерица бесхвостая!

Как это обычно случалось с Ахтармерзом, от обиды на «аспида» и «ящерицу» он начал мгновенно раздуваться, невероятно увеличиваясь в размерах. Через каких-то пару секунд Горыныч вырос настолько, что шатер затрепал по швам, и трехглавый дракон предстал перед аборигенами во всём своем грозном великолепии, еще и облепленный перьями, оставшимися от разрушенного шатра. Увидев это зрелище, ацтеки мгновенно застыли, от удивления вытаращив глаза.

– Кецалькоатль! Кецалькоатль вернулся!!! – заорал кто-то из толпы, и остальные, подхватив его крик, бросились врассыпную.

– Куда они? – удивился Ахтармерз. – Я же еще ничего не сделал. Или они к этому... который вернулся... побежали? Кстати, а кто это такой?

– Кецалькоатль? Пернатый Змей, местный бог, – пояснил Попов, глядя в спины убегающего воинства. – И похоже, они тебя за него приняли.

– Нет, вы только посмотрите! И эти, даже познакомиться не успели, а уже обзываются, – обиделся Горыныч, от чего еще чуть-чуть увеличился в размерах. – Я же тысячу раз повторял, что к вашим рептилиям не имею никакого отношения. У нас даже физиология разная...

– Мы это уже слышали, а аборигенам ничего не объяснишь. Они слишком напуганы, чтобы согласиться прослушать лекцию по анатомии твоего вида, – прервал его Сеня, устало опускаясь на траву. – Ну вот, теперь здравствуй. Кстати, ты не мог бы немного уменьшиться

в размерах и выбраться из этого чехла? А то с тобой не слишком удобно разговаривать. Да и виден ты, наверное, за версту.

– Вот-вот! Сначала обзывают, а потом уменьшиться просят, – капризным тоном заявил Ахтармерз.

– Я извиняюсь, – проговорил Сеня, и удовлетворенный Горыныч тут же начал уменьшаться в размерах.

Появление Горыныча в землях Мезоамерики имело вполне логичное объяснение. Правда, поначалу Рабинович с Поповым, измотанные схваткой, никак не походившей на потешное развлечение, оказались не в состоянии даже удивиться тому, что трехглавый огнедышащий псевдоящер появился исключительно в нужном месте и в нужное время. Ну а Ваня не спрашивал Ахтармерза ни о чем, потому что оказался в ступоре и никак не мог понять, почему это во время боя с превосходящими силами врага он так и не вытащил пистолет и не открыл стрельбу хотя бы в воздух. Ни один довод из тех, которые сам себе приводил омоновец, не могли удовлетворить его, и Жомов пребывал в такой же прострации, как у него бывало, когда на стрельбище выбивал сорок девять очков из пятидесяти возможных – в глубоком шоке от неудачи!

Горыныч, видя, что Сеня никак не желает начать разговор, хотя его просьба и выполнена, снова обиделся на всех ментов сразу и начал увеличиваться. Мурзик, увидев такое безобразие, завопил благим матом. Что именно он хотел сказать, поняли немногие, но лая верного пса было вполне достаточно, чтобы привести Рабиновича в чувство. Он встрепенулся и посмотрел на Горыныча.

– Ты еще не уменьшился? – удивился Сеня. – И долго ты собираешься окрестный народ пугать? У нас тут вроде бы отпуск проходит. А как мы будем отдыхать, если ты всё местное население по лесам разгонишь?

– А до моего появления, значит, вы именно отдыхали? – наивно поинтересовался Ахтармерз. – Согласно моим выводам, основанным на глубочайшем анализе спектра эмоциональных, паранормальных и электромагнитных излучений, испускаемых вами и толпой аборигенов вокруг вас, происходящее походило на отдых так же, как перхус троликус в период спаривания напоминает мускабрюха пестикрылого...

– Понеслось, – обреченно вздохнул Попов. – Горыныч, ты никак из двоечников и второгодников в отличники выбрался? Или просто сегодня для разнообразия уроки учил?

– Между прочим, к вашему сведению, в моем мире начались каникулы. Именно поэтому я и нахожусь здесь сейчас, – обиженно ответил трехглавый второгодник. – А насчет двоечников ты прав. У меня теперь одни тройки, и меня перевели в третий класс. Правда, с испытательным сроком. Если в первой четверти опять скачусь на двойки, вернут обратно во второй.

– Вот лафа! – восхитился Сеня. – Это что же получается, в вашем мире до самой пенсии можно в школе проторчать?

– Нет, – буркнул Ахтармерз. – Тех, кто с третьей попытки не осилит третий класс, отчисляют из школы и отправляют служить пугалом в какой-нибудь мир вроде вашего. Как Лох-Несское чудовище, например. Я ее знаю. Она мамина подруга и в отпуск приезжает иногда погостить. Заодно и передает в центр информацию о том, что в вашем мире происходит.

– Что-то Несси не больно на тебя похожа, – фыркнул Рабинович. – И башка одна, и крыльев нет...

– Их у нее тоже три. Когда одна из голов над водой находится, две другие пропитание добывают, – обиделся за соотечественницу Горыныч. – А крыльев не видно потому, что Несси под водой плавает. И вообще, что вы ей за дурацкое имя придумали – Несси! Ее, между прочим, Туавардия Пироскельция зовут. И это еще в сокращенном варианте...

– Так, ладно! – решил прекратить дебаты Рабинович. – О твоей Туавардии мы после поговорим. Расскажи-ка лучше, как ты сюда попал так удачно?

– О-о, это было просто, – и хотя произнесла это, как обычно, только средняя голова, оскалится Ахтармерз всеми тремя пастями сразу, а затем рассказал.

К удивлению ментов, они узнали, что по окончании их последнего путешествия Ахтармерз связи с миром эльфов не потерял. То есть контакт между его миром и Эльфабадом присутствовал всегда, в виде вполне упорядоченных МП-переходов, но лично Горыныч вселенной эльфов не интересовался из-за бесперспективности собственной карьеры там ввиду крайне низкой успеваемости. Однако после предложения Оберона, сделанного всей группе путешественников, Ахтармерз задумался, так ли уж он не пригоден для поиска в обозримом будущем работы в Эльфабаде? Сделав надлежащие выводы, двоечник повысил успеваемость и, дабы не дать возможность Оберону позабыть себя, принялся изредка навещать Эльфабад, где и узнавал новости о своих бывших спутниках, надеясь, что снова удастся вместе отправиться спасать какую-нибудь вселенную. Так Ахтармерз и пронюхал об ознакомительном путешествии российских милиционеров.

Естественно, упускать такой шанс заработать дополнительные плюсы в свое личное дело Горыныч не стал. Воспользовавшись тем, что в школе были каникулы, а родители уехали в отпуск на Землю в мезозойскую эру, новоиспеченный третьеклассник помчался в Эльфабад и нашел там Лориэля. Попросив у старого знакомого разрешения присоединиться к бывшим товарищам по оружию, Ахтармерз после консультаций эльфа с Обероном такое получил и тут же был переброшен в Мезоамерику, свалившись ментам фактически на голову. В другое время, может быть, за такой фокус Горынычу и досталось бы от друзей на орехи, но сейчас ничего, кроме слов благодарности, он не услышал. Хотя...

– Странно всё это, – дослушав рассказ трехголового болтуна, задумчиво произнес Рабинович. – Насколько мне помнится, переходы между мирами эльфы осуществляли всегда корректно. Нам еще ни разу не приходилось падать вниз даже с полуметра, а Горыныч летел, наверное, метра четыре, если не больше.

– Шесть метров, восемнадцать сантиметров и три миллиметра, – уточнил Ахтармерз. – Про микроны я молчу, поскольку еще не научился внутренним высотомером с такой точностью пользоваться.

– Сеня, ты опять загоняешься, – покосившись на Горыныча, произнес Попов. – Ну, чего в этом странного? Тебе же говорили, что у эльфов с системой переходов проблемы. Поэтому, наверное, и выкинули наш пикирующий примус с высоты, а не опустили на грунт. Что тут такого необычного?

– Поживем – увидим, – философски заявил Рабинович и поднялся с травы. – Ладно, давайте двигаться. Тут нам пиршество не светит, поскольку это стадо бешеных ацтеков всё вокруг затоптало. Нужно идти в Теночтитлан, и заодно и узнать, что в этом мире в последнее время происходит начало. А то мне не нравится, когда столько совпадений одновременно случается.

Но претворить в жизнь предложение кинолога оказалось не так-то просто. И главным препятствием на пути в Теночтитлан оказался Ваня Жомов. Омоновец, впав в транс из-за неприменения табельного оружия в критической ситуации, никак не хотел из него выходить. Сколько Попов с Рабиновичем ни тормозили друга, сколько Мурзик ни тянул его за рукав, Ваня с места не двигался и на ужимки друзей не реагировал. За неимением нашатыря Горыныч даже сероводородом на Жомова дышал, но добился только того, что остальные члены команды отскочили в стороны, зажимая руками носы и беспрестанно кашляя, а омоновец остался стоять на месте, словно памятник Безмерному Горю. И лишь когда Рабинович заикнулся о выпивке, Иван пришел в себя.

– Да, выпить бы сейчас не помешало, – задумчиво проговорил он, а затем встрепенулся. – И чего мы стоим тут, как три тополя в парке юрского периода? Город не видите? Без моей команды идти не можете? – и, не дав кому-либо даже изумиться такой наглости, протянул свой

пистолет Попову. – Держи-ка его ты, Андрюха. Что-то я в этих параллельных мирах совсем об огнестрельном оружии забываю, а ты с ним всегда таскаешься, вот и теперь носи. Только патроны экономь. У меня всего две обоймы.

Теперь, когда омоневец был благополучно приведен в чувство и путешествие можно было бы продолжить, верх благоразумия проявил единственный в группе специалист по мезо-американской культуре – Андрюша Попов. С чувством собственного превосходства посмотрев на друзей, он поинтересовался, как именно они собираются объяснить местным жителям присутствие Ахтармерза, поскольку сам криминалист сильно сомневался, что даже привыкшие к богам на улицах ацтеки отреагируют на трехглавого монстра адекватно.

– А что тут думать? – пожал плечами Сеня. – Ты же сам слышал, они его Кецалькоатлем называли...

– Да, называли, – согласился Андрей. – Только тогда он был в перьях. Не думаю, что кто-нибудь поверит, что Пернатый Змей вдруг облысел.

– Это на что вы намекаете?! – возмутился Ахтармерз.

– А ты помолчи лучше, когда умные люди говорят, – осадил несчастного третьеклассника Жомов. – Так что ты, Андрюша, предлагаешь?

– Всё очень просто, – не привыкший быть в центре внимания Попов просто млел от удовольствия. – Поскольку Сеня уже представил нас как маленьких божков и принял в дар шапку из перьев, то никто не удивится, увидев с нами Кецалькоатля. Нужно только Горыныча перьями замаскировать.

Возражений Ахтармерза, никак не желавшего не только называться змеем, пусть и пернатым, но еще и напяливать на себя шутовской костюм, абсолютно неприличный в его мире, не слушал никто. А когда обиженный трехглавый третьеклассник начал набирать размер, ему пригрозили, что оставят тут, на берегу реки, и позволят заняться организацией каникул самостоятельно, без присутствия остальных членов группы. Горынычу пришлось сдаться, но он добился от друзей обещания, что при первой же возможности его избавят и от перьев, и от обидного прозвища. На том и порешили и принялись украшать трехглавого монстра остатками от оперения разрушенного им же шатра.

Оказалось, что сделать это не так-то просто. Во-первых, втыкать перья в Горыныча не получилось – слишком толстой оказалась шкура. Во-вторых, сам Ахтармерз наотрез отказался от предложения Жомова вывалиться в смолу и по перьям же потом прокатиться. Ну а в-третьих, никто не мог сообразить, как сделать маскировку трехглавого чудовища такой, чтобы она могла трансформироваться вслед за постоянно меняющимися размерами Ахтармерза. В итоге менты нашли компромисс! На Горыныча, бывшего в обычном состоянии ростом примерно с Мурзика, отрезанными от остатков шатра лентами привязали несколько крупных перьев, а остальные запихали в мешок и взяли с собой, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств просто засыпать выросшего Горыныча перьями, ну а потом действовать по обстановке. Например, обвинить аборигенов в том, что из-за их непочтения Кецалькоатль начал терять оперение прямо на глазах.

Вот так вопрос с маскировкой трехглавого летающего монстра был решен, и теперь ничто вроде бы не мешало друзьям отправиться в Теночтитлан, но тут обнаружилась еще одна проблема. Путешественники как-то позабыли, что город находится на другой стороне реки, а мост до сих пор не восстановлен. Правда, на берегу вверх дном лежали несколько каноэ, брошенные сбежавшими ополченцами, но выяснилось, что управлять этими узкими и неустойчивыми судами куда как непросто! Однако Ваня Жомов, заявивший, что в детстве катался на весельных лодках в клубе Юного моряка, решил показать всему миру свое умение обращения с плавсредствами. Вот только в каноэ он залез так, будто это был по крайней мере тримаран или плоскодонная баржа. Хотя каноэ ничуть не напоминает вышеупомянутые водные виды транспорта, а больше похож на бешеного бычка, которому вдобавок еще и репей попал под хвост.

Не успев ступить на борт каноэ, Ваня оказался по уши в воде и был оглушен диким хохотом всех своих соратников, включая и оскалившегося Мурзика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.